РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Октябрь № 10/84
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

На снимке: западногерманский безработный с плакатом «Коллега, сегодня я, завтра ты потеряешь работу». Так, на примере судьбы одного из миллионов подтверждается для десятков миллионов необходимость борьбы за ПРАВО НА ТРУД, ЗА ПРАВО НА ЖИЗНЬ. Подборку материалов, приуроченных к Международной встрече трудящейся молодежи, см. стр. 4—13.

ISSN 0131—5994

Варшава. 1955

V Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Варшаве с 31 июля по 15 августа 1955 года. Для участия в нем в столицу Польши съехалась 31 тысяча делегатов из 114 стран мира. Лозунг фестиваля: «За мир и дружбу!»

«Мы хотим строить, а не разрушать! Мы хотим петь, а не проливать слезы.

Сделаем все для того, чтобы лучше узнать друг друга,— чаще организовывать встречи, обмен делегациями, совместные культурные, спортивные и научные мероприятия, международные карнавалы и лагеря, встречи на границах, туристские поездки, обмен корреспонденцией».

Из Обращения к молодому поколению мира, принятого на V Всемирном фестивале молодежи и студентов в Варшаве

ШАГИ

ХРОНИКА ВАРШАВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● По инициативе молодежи Франции и Польши состоялась встреча европейской молодежи: три тысячи делегатов из 25 европейских государств приняли обращение к своим ровесникам на континенте: мы хотим, заявили они, чтобы Европа из очага войны превратилась в очаг мира, мы против угрозы атомной войны, мы выступаем за коллективную безопасность в Европе.

● Более 400 делегатов из 52 стран поехали в Освенцим, чтобы почтить память погибших здесь в 1940—1945 годах антифашистов. На площади перед главным входом состоялся митинг, в котором наряду с зарубежными делегатами приняли участие сотни местных юношей и девушек. Собравшиеся поклялись не допустить возрождения нацистской чумы.

● День солидарности молодежи мира с юношами и девушками из колониальных и зависимых стран, борющихся за свои права и демократические свободы, закончился концертом, подготовленным делегациями африканских стран. Вечером склоны, окружающие обширную поляну Агриколя, до отказа заполнили представители делегаций и толпа варшавян. Вспыхнули мощные юпитеры. В звездное небо понеслись песни. Запылал большой костер. На поляну при звуках тамтама и тыквенных трещоток вышли танцоры. Их выступления чередовались с народными песнями. Африканцев окружило плотное кольцо поляков, датчан, шведов, канадцев, чехов, немцев: улыбки, рукопожатия, обмен фотографиями, значками.

Наша справка. Большое влияние на содержание программы фестиваля и его ход оказало ослабление международной напряженности. В 1955 году состоялась Бандунгская конференция 29 стран Азии и Африки, осудившая колониализм, расовую сегрегацию и дискриминацию. Советский Союз выдвинул на совещании глав правительств четырех великих держав (СССР, Великобритания, США, Франция) в Женеве реалистические предложения по обеспечению безопасности в Европе. В это же время состоялась Всемирная ассамблея в защиту мира в Хельсинки. Повсеместно происходила мобилизация общественных сил, в том числе и молодежи, на борьбу за сокращение вооружений и запрещение атомного оружия.

ХРОНИКА ВАРШАВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● Делегат V Всемирного фестиваля молодежи и студентов новозеландец Мак не принадлежит ни к каким партиям и молодежным организациям. Его девиз: «Не верю!» Он все должен увидеть сам, своими глазами. Когда варшавянин Ян пригласил Мака в гости и дал свой адрес, новозеландец, во-первых, не поверил, что адрес настоящий: ведь в социалистических странах «железный занавес», говорили ему на родине; во-вторых, он усомнился, что Ян простой рабочий. Однако адрес оказался правильным, а Ян действительно строителем. Мак осмотрел все сам: течет ли горячая вода, может, краны не настоящие, работает ли холодильник, «ловит» ли радиоприемник... Мак полистал книги на полках и с разрешения хозяина заглянул в шкаф. На улице Мак остановился и стал что-то писать в записной книжке. Что именно? «Я вычеркиваю свои сомнения».

● Километрах в 30 от Варшавы по Познаньскому шоссе крутой поворот приведет вас в Желязову Волю. Здесь проходил музыкальный конкурс. Крестьянские дома, огороды; картофель, огурцы, помидоры, поля с золотыми снопами пшеницы... Ничем не примечательное пригородное местечко. Но о нем знают во всем мире. Здесь родился Шопен.

Комнаты чисто выбелены, деревянные балки потолков расписаны народным орнаментом. На черном рояле лежит гипсовый слепок руки композитора. Инструмент Шопена. Звучит полонез... Мазурка... И снова полонез...

ГОВОРЯТ ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ ФЕСТИВАЛЯ

Назым ХИКМЕТ, турецкий поэт: «Я думаю, что гении будущего находятся среди вас, молодежи. Я убежден, что после фестиваля искусство будет обогащено многочисленными новыми произведениями и многими молодыми талантами».

Хидеюки ИВАСКАИ, профессор медицинского института в Токио (Япония): «Замечательно, что здесь можно встретить представителей молодежи всех стран, поговорить с ними о мире и счастье. Но даже на фестивале, в обстановке радости и дружбы, мы, японцы, не можем забыть ужасную судьбу своих соотечественников — жертв атомного оружия. Я врач. Я хорошо знаком с последствиями применения атомного оружия. До сих пор еще мучаются жертвы Хиросимы и Нагасаки. Всякая война жестока. Но применение оружия массового уничтожения, а таким является термоядерное оружие, просто бесчеловечно и таит в себе такую угрозу, что допустить его применение нельзя ни в коем случае».

Эжени КОТТОН, президент Международной демократической федерации женщин (Франция): «Молодежь мужественной Варшавы, пережив самое мрачное детство, с любовью построила новый город, красивее того, который враги хотели стереть с лица земли. В Варшаве — родном городе Марии Склодовской-Кюри, открывшей для человечества радий,— молодежь заявляет о своей решимости бороться за то, чтобы это большое открытие служило для строительства нового мира».

Серафима КОТОВА, прядильщица московской фабрики имени Калинина (СССР): «На фронте погиб мой отец. Осколок сразил мою мать. Многие из вас пережили тяжелые годы войны. Давайте же сильнее крепить дружбу, помогать друг другу строить человеческое счастье. Тогда никто не помешает нам обеспечить мир».

ФЕСТИВАЛЯ

ГОРОД ФЕСТИВАЛЯ

Когда 17 января 1945 года в ходе Висло-Одерской операции Варшава была освобождена Советской Армией совместно с 1-й армией Войска Польского, 90 процентов зданий было уничтожено отступавшими гитлеровцами. Советские саперы в кратчайшие сроки разминировали развалины, в город возвращались жители. На помощь приходили отряды добровольцев из дружественных стран. Большую помощь возрождавшейся столице Польши оказал Советский Союз, символом которой стал Дворец науки и культуры — дар Варшаве от братских народов СССР. В его залах проходили встречи и культурная программа V Всемирного.

Варшава восстанавливалась под лозунгом «Весь народ строит свою столицу». Внесли свой вклад в строительство и участники фестиваля: члены всех делегаций по очереди работали на восстановлении школы на улице Нарбутта, разрушенной в 1939 году фашистской авиабомбой. На снимке справа — участники фестиваля сажают деревья на Аллее дружбы.

Москва. 1985

МОСКВА. 50 миллионов советских юношей и девушек приняли участие в ударной вахте, посвященной 60-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина. В фонд XII Всемирного перечислено свыше 40 миллионов рублей, выработано продукции на 212 миллионов рублей.

ВЬЕНТЬЯН. Центральный Комитет Союза народно-революционной молодежи Лаоса обратился с призывом ко всем молодым гражданам республики развернуть социалистическое соревнование в честь XII Всемирного. Юноши и девушки Лаоса с большим энтузиазмом готовятся к встрече молодежи мира в Москве: проходят «вахты фестиваля» на производстве, митинги и собрания.

ВЕСТЕРОС. Важным этапом в подготовке к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве назвал международную молодежную «Встречу мира-84» председатель правления Коммунистического союза молодежи Швеции Ульф Бренстрем. В этот шведский город приехали сотни представителей юного поколения стран Северной Европы, США, ФРГ, Франции, а также СССР и Болгарии. На своем форуме молодежь потребовала создать на севере Европы безъядерную зону, заморозить существующие ядерные арсеналы, удалить из Западной Европы новые американские ядерные ракеты. Все ядерные державы должны отказаться применять первыми ядерное оружие, единодушно заявили участники встречи. В Вестеросе была вручена премия мира английским женщинам, несущим «вахту мира» у американской военной базы в Гринэм-Коммон. Это стало одним из впечатляющих событий встречи.

ЗА ПРАВО НА ТРУД,

Не так давно, в июне этого года, другой многотысячный марш в английском городе Шеффилде точно так же провожал в последний путь жертвы полицейского террора. Опять двое рабочих убиты во время забастовки. И произошло это в Англии в 1984 году! Все та же трагедия в разных странах и в разные годы, все тот же сюжет борьбы между трудом и капиталом, между справедливыми требованиями трудящихся и шкурными выгодами капиталистов. Непридуманный, составляющий суть будней в мире капитала сюжет.

Разумеется, будни не складываются из одних трагедий, из драматизма крайнего ожесточения — в буднях много терпения, преодоления и надежд, мужества и бескорыстия. Все это было в буднях тех, кто отправился в далекую Никарагуа, чтобы помочь героическому народу этой страны в час тяжелых испытаний, суровой борьбы с американским империализмом. И если говорить о главном, то самым главным завоеванием людей труда, рыцарей человечности и чести была в этих буднях нашего беспокойного мира солидарность. В масштабах завода или шахты, профсоюза, страны, в масштабе международном — солидарность трудящихся в борьбе ЗА ПРАВО НА ТРУД, ЗА ПРАВО НА ЖИЗНЬ!

Помещенные на этом развороте фотографии документально иллюстрируют тему и смысл девиза, под которым в октябре нынешнего года в Москве собираются представители трудящейся молодежи планеты: ЗА ПРАВО НА ТРУД, ЗА ПРАВО НА ЖИЗНЬ!

Три из них запечатлели приметы современности: английские полицейские преподают молодому горняку предметный урок его гражданских прав (вверху), западногерманский безработный, о котором рассказывается в подписи к первой странице обложки, символизирует реальность права на труд граждан ФРГ (справа внизу); никарагуанская семья (справа вверху), познавшая на собственном опыте, кто ее подлинные друзья и злейшие враги.

Четвертая фотография (внизу) — о событиях в США 50-летней давности, сделанная на Маркет-стрит в Сан-Франциско в 1934 году. В скорбном и грозном марше рабочие провожают в последний путь двух товарищей, убитых полицией во время забастовки. Поэт тогда написал: «Сними шляпу, сомневающийся! Все верно, это рабочий класс идет своим путем — хоронит своих убитых». Этот снимок — история. Но это такая история, которая длится, и мы, живя в другом мире, живем ее неравнодушными свидетелями.

ЗА ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Кто не борется, тот уже побежден

Лотар ГАЙЗЛЕР, журналист (ФРГ)

Я пробую отговорить его. Никто не знает, чем это может кончиться.

— Я все решил,— говорит Штефан и кладет трубку.

Сегодня последний день экзаменов.

Штефан закрывает за собой дверь и облегченно вздыхает. У него в руках диплом экономиста. Профессора поставили ему высший балл. Его поздравляют, но сдержанно. С нынешнего дня 23-летний Штефан Бендер безработный. Хозяевам фирмы «Хальбергер хютте», где он работал, Штефан с дипломом не нужен.

Из училища, не заходя домой, Штефан сразу направляется на свое предприятие. Его главный экзамен впереди: он придет, как обычно, на свое рабочее место и скажет: «Я никуда отсюда не уйду, я хочу работать».

Безработным Штефан уже был. Он знает, что такое вставать утром и ничего о себе не знать — кто ты, что будешь делать сегодня и что с тобой будет завтра. Внешне это выглядит даже привлекательно: сидишь утром и пьешь кофе, а все за окном спешат на работу. Но в душе отчаяние.

Ему повезло. Он получил тогда место на металлургическом комбинате «Хальбергер хютте». Там вступил в ячейку Социалистической немецкой рабочей молодежи. Ребята боролись против безработицы, против размещения американских ракет, против угрозы войны, стали выпускать боевые листки «Фолес рор», в которых защищали права рабочих. Штефан к тому же стал учиться, просиживал ночи за учебниками. Он хотел стать хорошим специалистом, и вот, когда диплом с отличием лежит наконец у него в кармане, хозяева вышвыривают Штефана на улицу.

Ледяной ветер продувает насквозь, крутит между корпусами мусор, обрывки бумаг. Фигурка Штефана кажется совсем крошечной у подножия громад «Хальбергер хютте». Штефан идет в неравный бой.

Все готово к первому бою. У входа на предприятие с транспарантами и мегафонами стоят двенадцать человек, друзья Штефана. У каждого также пачки экстренного выпуска «Фоллес рор», посвященного проблемам учеников. Рационализация, проводимая на предприятиях фирмы, написано там, влечет за собой сокращение рабочих мест. В первую очередь вылетят молодые рабочие и служащие, только окончившие обучение.

Все понимают, чем рискует Штефан. После акции, которую он собрался предпринять, вряд ли какой предприниматель возьмет его к себе на работу. Но об этом сейчас не говорят. Все обговорено накануне. «Нет, больше мы не можем сидеть сложа руки,— подвел черту тогда Штефан,— так нас задавят поодиночке. Этим же летом уволят очередную партию учеников. Если не выступить сейчас, то тогда все наши призывы в газете — болтовня и ложь. Ведь мы призывали к борьбе».

Штефан рывком открывает стеклянную дверь проходной, как ни в чем не бывало бросает охране «привет» и идет на свое рабочее место. Охранники удивленно переглядываются и бросаются звонить в управление.

Мегафоны разрывают тишину улицы: «Внимание! Только что Штефан Бендер занял свое рабочее место! Нет—произволу хозяев! Долой сокращение рабочих мест! Сокращайте расходы на вооружение!»

Штефан сидит у себя в отделе. В одиночестве. Администрация успела приказать, чтоб никого к нему не пу-

скали. Он выглядывает в окно. Улыбается ребятам внизу. Даже отсюда видно, как они закоченели на ветру, но держатся. «Не допустим произвола хозяев!» Штефану кажется, что от мегафонов дрожат стекла. «Да здравствует рабочая солидарность!»

Администрация «Хальбергер хютте» в растерянности. Бесконечные телефонные звонки. Хлопанье дверей. А работа в отделах, бюро, цехах остановилась.

В комнату, где сидит Штефан, врывается управляющий фирмой господин Риз. Он только что отвел душу на начальнике охраны за то, что тот пропустил Штефана.

Господин Риз стоит несколько секунд молча, не находя слов от возмущения. Наконец начинает орать: «Немедленно прекратите балаган! Что вы себе позволяете! И вы еще хотите, чтобы фирма оставила вас на работе?! Будьте уверены, после такого вы не получите работу нигде в округе!»

Штефан отвечает спокойно: «Вы в самом деле, господин Риз,— говорит он,— думаете, что я мог бы получить у вас работу? При безработице, которую вы сами устроили?»

Пока Штефан держит оборону, телефоны в управлении фирмы раскалились от звонков. Звонят из редакций газет, что у вас там происходит? Это работа друзей Штефана из СНРМ, заранее подготовивших журналистов. Как мы договорились, звоню в управление «Хальбергер хютте» и я. Уточняю время встречи с начальником отдела кадров доктором Бунгартом.

С улицы по-прежнему доносится хор друзей Штефана. Сейчас они скандируют: «Нет—войне! Нет—безработице! Нет—сокращениям рабочих мест! Сегодня мы боремся за наше завтра!» Через стеклянную дверь наблюдаю, как обсуждают свои проблемы господин Бунгарт и начальник охраны. Судя по ожесточенной жестикуляции, военный совет в разгаре. Увидев меня, оба сразу замолкают. Черт побери, проносится у меня в голове, они же видели меня внизу с ребятами!

Господин Бунгарт подходит ко мне, не забыв о профессиональной улыбке.

— Господин Гайзлер? Чем могу быть полезен?

Говорю ему первое, что приходит в голову. Я, дескать, свободный журналист, работаю на разные газеты и журналы. Сейчас собираю материалы о Социалистической немецкой рабочей молодежи и ее деятельности.

С заметным облегчением господин Бунгарт вздыхает.

— Я-то было подумал, что вы один из тех,— он кивает в сторону окна, лицо его непроизвольно кривится.— Вы так долго среди них стояли.

Через секунду господин Бунгарт взрывается обличительной речью:

— Штефан подкуплен коммунистами! Он хотел организовать у нас коммунистическую ячейку. Нам нужны прилежные работники, которые оздоровляют атмосферу, а такие, как Бендер, лишь разлагают коллектив! Он способный парень и мог бы многого добиться, но его поведение... Фирме не нужны коммунистические агенты!

Ах ты старая лиса, думаю я, записывая речь господина Бунгарта. Ведь на предприятии ты всех уверял, что Штефана увольняют чисто по экономическим причинам. Все яснее ясного: хозяева хотят, чтобы закрытие предприятия в Людвигсхафене и увольнение 800 человек прошло без шума, и теперь, стало быть, «очищают» комбинат от активистов!

— Мы, хальбергцы,— тем временем заливается соловьем господин Бунгарт,— одна дружная семья. У нас нет классов и так называемых классовых противоречий. Мы пример социальной ячейки нового типа общества, общества социального согласия и равенства. Судите сами, я запросто играю в нашей футбольной команде вместе с рабочими из литейного цеха. За воротами предприятия на футбольном поле мы на «ты». Совет представителей рабочих и служащих наших заводов и управление фирмой почти всегда единодушны, между ними никогда не бывает недопонимания.

А время идет. Уже четыре.

Господин Бунгарт поглядывает на часы. Заметно нервничает. Он просит у меня прощения, его ждут неотложные дела. Я его понимаю: Штефан Бендер. Мою просьбу присутствовать при «разрешении проблемы Бендера» господин Бунгарт, однако, категорически отвергает — присутствие прессы в таком деле совершенно нежелательно. И все же мне удается проскользнуть мимо охраны.

В коридоре у двери в бюро, где держит оборону Штефан, несмотря на приказ Бунгарта немедленно разойтись, собралась целая толпа. Господин Бунгарт дает Штефану десять минут на размышление. Если тот не уйдет, будет вызвана полиция, а его дело передадут в суд.

Десять долгих минут для Штефана. Остаться? Уйти?

Борьба! — решает Штефан.

Он выглядывает в окно, стоят ли еще ребята. Стоят, закоченели на ветру, но стоят. Видят его, улыбаются, что-то кричат. Размахивают листовкой против увольнения учеников на «Хальбергер хютте». Штефан писал ее сам и помнит, что закончил такими словами: «Кто не борется, тот уже побежден».

Десять минут проходят.

Развязка была мгновенной. Охрана набрасывается на Штефана, скручивает ему руки. Он пытается сопротивляться, его сбивают с ног и тащат вниз по лестнице к выходу. Господин Бунгарт услужливо открывает дверь. Штефана вышвыривают на улицу. Его подхватывают руки друзей. Штефан вытирает кровь из разбитого носа и смеется: обойтись без скандала им не удалось.

Первый бой он выиграл.

Перевел с немецкого
М. ПАВЛОВ

Самолет авиакомпании «Кубана» садится в мадридском аэропорту. Покупаю в киоске журнал «Шпигель». Два месяца не читала западногерманской прессы. Чем жила страна, пока мы собирали в Никарагуа кофе? Центральная статья — интимная жизнь генерала бундесвера, среди прочего есть и заметка о нас. Читаю ее и с удивлением узнаю, чем же мы, оказывается, занимались там, в горах, на границе с Гондурасом. Вот оно что! Мы искали утешения. Мы — «пасынки индустриального общества, лишенные каких-либо шансов на успех», объясняет «Шпигель», потому что «бригада (якобы) состояла большей частью из безработных и неудачливых студентов». В Никарагуа же нас заманил «культ оружия» и «героический национализм». И вся эта, простите, брехня приправлена описаниями всяких ужасов: людей де заели блохи и крысы, школьников насильно гонят работать на плантации,

Вместе мы победим!

Сабина РОЗЕНБЛАДТ,
корреспондент журнала «Конкрет»

заставляют петь гимн при подъеме сандинистского флага и главное — у никарагуанцев нет будущего, потому что «выбор для молодых ограничен милицией, армией или пожизненной уборкой кофе...».

Сочувствие и жалость к бедным никарагуанцам у журналистки из «Шпигеля» объяснимы. Я легко могу представить, откуда взялось представление об «ужасной жизни» у этой «интеллектуалки», выдержавшей лишь пару дней на уборке кофе и сбежавшей в Манагуа, в отель «Интерконтиненталь».

Сидя в «Интерконтинентале», можно действительно просмотреть тот факт, что «бедная никарагуанская молодежь» всего четыре года как имеет шанс достичь возраста взрослых и что, несмотря на тяжелое положение в экономике, огромные средства тратятся на создание системы бесплатного здравоохранения и на то, чтобы каждый никарагуанец мог есть досыта.

Сейчас средний возраст никарагуанцев 17 лет. Половине жителей этой страны с трехмиллионным населением нет еще шестнадцати. И поскольку эти дети хотят стать взрослыми и остаться живыми, подростки берут в руки оружие и становятся солдатами. На их памяти интервенция на Гренаду. Они не допустят повторения Гренады у себя дома.

«Бедная никарагуанская молодежь» хочет также научиться читать и писать. 900 тысяч никарагуанцев, взрослые и дети, ходят в школу, между прочим, еще и потому, что теперь есть достаточно школ.

Поговорим серьезно. Кофе для экономики Никарагуа — это жизнь. Это единственное, что может предложить страна другим государствам в обмен на машины, технику, оборудование. И поэтому нужно много кофе. Кофе нужно, чтобы выжить, несмотря на экономический бойкот, объявленный США этой крошечной стране, несмотря на военный террор американцев, который усиливается с каждым днем.

Сначала, думая, как писать эту статью, я считала, что нескольких фактов о положении Никарагуа будет достаточно, и хотела сосредоточить свой рассказ на работе нашей бригады, на том, как мы, разношерстные представители левых западногерманских политических течений, встретились с реальной антиимпериалистической борьбой. С достойной драматичностью я рассказала бы, что уже на второй день мы устали до смерти, что все мы были грязные как черти и что даже просто ходить было невероятно трудно — сапоги с приставшей грязью весили каждый по тонне. Описала бы, как под бесконечным моросящим дождем мы ползали по крутым скользким склонам, как отдирали гроздья зерен от деревьев,

причем это делать надо очень осторожно, чтобы остался черенок, иначе больше кофе не вырастет, а гроздья сидят дьявольски крепко и не поддаются. Не забыла бы и ночные мучения — блохи, крысы, жесткие ящики из-под картофеля вместо перин.

Я хотела обо всем этом рассказать, но, как выяснилось, западногерманская общественность уже достаточно информирована о бытовой стороне жизни нашей бригады. Эти новости, оказывается, мои соотечественники уже просмаковали за своим утренним кофе. Поэтому я позволю себе рассказать, что в Никарагуа, этой «милой стране со шрамами тоталитаризма», так, кажется, выразились в репортаже о нашей бригаде журналисты из другого журнала, «Штерна», идет война. За три дня до нашего приезда воскресным утром крестьяне сельскохозяйственного кооператива «Аугусто Сандино» на Рио Коко вблизи гондурасской границы увидели, например, что на холмах вокруг деревни к одиннадцати часам собралось свыше 200 «контрас» — бандиты готовились напасть на кооператив. У крестьян было всего 5 автоматов и один пулемет. У них не было телефона или радио, чтобы связаться с подразделениями Сандинистской народной армии и позвать солдат на помощь. Крестьяне отправили стариков и детей подальше в лес, а сами пошли в окопы. Неравный бой длился полтора часа. Когда «контрас» ушли, кооператив «Аугусто Сандино» был сровнен с землей. Все его защитники, среди них четыре женщины, лежали мертвыми на земле, за которую они сражались. Еще бандиты изрешетили пулями двух маленьких девочек, которые спрятались под одеялом. «Контрас» были вооружены пулеметами, скорострельными пушками и гранатометами, а в качестве «сувенира» оставили ящики от боеприпасов с клеймом НАТО. Женщины и старики, оставшиеся в живых, погрузили ящики с клеймом НАТО и ботинки убитых «контрас» на повозку и повезли в Манагуа. Они хотели отдать это американскому послу. Но посол США в Никарагуа отказался их принять.

Газета сандинистов «Баррикада» публикует каждый день сводки с мест, где идут бои. Я сохранила эти газеты. Первый день нашего пребывания в Никарагуа: «В боях у Сан-Фернандо и Санта-Клара за последние дни уничтожено 40 «контрас». На следующий день: «Отбиты атаки на город Антигуа. Продолжаются бои у городов Сандино, Халапа, Чачагон и Мурра». На третий день: «Нападение на бухту Потоси, два быстроходных катера и два самолета появились со стороны Гондураса». Команданте Умберто Ортега объявляет о замыслах ЦРУ: готовится вторжение под кодовым названием «План сьерра», согласно которому после того, как «контрас» захватят город Халапа на северной границе и объявят его «свободной территорией», подразделения армий США и Гондураса вторгаются на территорию Никарагуа. Сообщается об очередных американских маневрах в Гондурасе, репетируется высадка десанта на морское побережье.

Вот далеко не полный отчет о той обстановке, точнее сказать, военной ситуации, сложившейся ко времени, когда мы, 142 человека из ФРГ, 16 голландцев, кроме того еще американцы, шведы, французы, люксембуржцы — всего 500 «интернасьоналистас»,—прибыли в Никарагуа, чтобы помочь в сборе урожая кофе. Эрнесто Кардиналь, поэт, министр культуры, сказал нам при встрече: «Шесть поколений ваших отцов безжалостно эксплуатировали наших предков. И теперь вы, их дочери и сыновья, пришли, чтобы вернуть этот долг. Это замечательно».

Дочерям и сыновьям тех отцов до сих пор было более привычно разрешать проблемы развивающихся стран, прихлебывая кофе из чашечки, а не собирая его. Неудивительно, что первые дни проходили в бесконечных дискуссиях. Жаркие споры разгорались вокруг каждого пустяка, начиная от названия бригады (после многочасовых обсуждений во время перелета пришли к окончательному «Хунтос венсеремос!» — «Вместе мы победим!») и кончая возмущением наших леваков по поводу запрета покидать в одиночку территорию кооператива, где мы работали. По ночам крестьяне с оружием в руках охраняли поля и деревню — «контрас» могли нагрянуть в любой момент,— и поэтому даже о ночных походах в туалет мы должны были предупреждать посты, что особенно возмущало наших «борцов за свободу». Почему-то именно в этом они видели особое ущемление прав личности. Но очень скоро вопросы о целесообразности таких жестких мер отпали сами собой.

Вблизи эта война выглядит не совсем так, как ее показывают в кино или по телевидению. Самое страшное в ней, что врагов не видно. Ты не знаешь, где они, но можешь встретить их за каждым поворотом улицы. В кооперативах крестьяне выходят в поле только с оружием. «Они могут прийти, а могут и не прийти,— сказал нам Эсбениньо Бландон из кооператива «Теодосио Прави»,— но мою винтовку я всегда ношу с собой».

С таким постоянным ощущением опасности живут 30 тысяч жителей Эстели, Мадриса, Нуэво Сеговии, провинций, граничащих с Гондурасом. В соседних с нашим кооперативах за 1983 год погибло 200 мужчин, женщин, детей. Бандиты убили 36 кубинских врачей и учителей, которые приехали, чтобы помочь крестьянам. В Эстели 4 тысячи семей беженцев из приграничных районов, где «контрас» сожгли их дома, вынуждены ютиться во времянках. «В прошлом году только в сельском хозяйстве мы потеряли 500 миллионов кордобас, потому что не могли собрать урожай»,— сказал министр сельского хозяйства.

Жить в постоянной опасности для жителей этого района не внове. На протяжении десяти лет до победы революции сомосовская гвардия преследовала в этих горах сандинистов-партизан. Всех сочувствовавших партизанам подвергали пыткам. Расстреливали и женщин и детей. В кооперативе, где мы, 35 гамбуржцев, собирали кофе, есть сумасшедший, его все зовут Эль локо. Когда он подметает затоптанный глиняный пол в столовой, он все время бормочет одни и те же слова: «кровь», «убивать» и «на пятом километре». Его пытали гвардейцы Сомосы. Он не выдержал пыток и помешался.

Эта война идет уже давно, война, которую крестьяне Нуэво Сеговии ведут за право на жизнь. В 1909 году в Никарагуа высадились американские морские пехотинцы. Президентом страны стал главный бухгалтер американской фирмы «Розарио энд лайт майнз компани» Адольфо Диаз. Несколько восстаний крестьян против этого марионеточного режима были жестоко подавлены. Американские монополии становятся хозяевами этой маленькой страны. В 1926 году молодой крестьянин собирает маленький отряд храбрецов и объявляет войну проамериканскому режиму. Его имя — Аугусто Сандино. Американцы пытаются уничтожить его «сумасшедшую маленькую армию» самым современным оружием, но перед разработанной Сандино партизанской тактикой они бессильны, и, хотя они отыгрываются за свои поражения на мирных жителях, все население поддерживает народного генерала. Партизаны его армии строят в Нуэво Сеговии школы, крестьяне объединяются в кооперативы. В январе 1933 года последние американские части покидают порт Коринто. Аугусто Сандино, первый борец за свободу против империализма США, который в партизанской борьбе победил американскую армию.

Сандинистская народная армия выиграла беспримерную шестилетнюю войну, чтобы проиграть ее за столом переговоров. Во главе национальной гвардии не без помощи американцев ста-

новится Анастасио Сомоса-старший. 21 февраля 1934 года по приказу американских хозяев национальные гвардейцы разоружают солдат Сандино, обманом хватают его в Манагуа и убивают. Снова почти на полвека Никарагуа превращается в «банановую колонию» США.

Кооператив, где мы работаем, в самом центре сандинистских гор. В хорошую погоду можно видеть горы на границе с Гондурасом, она в 50 километрах отсюда. Там, в Гондурасе, в специальных лагерях готовы к выступлению в любой момент 15 тысяч «контрас», гондурасская армия и 10 тысяч американских морских пехотинцев. Они ждут только приказа, чтобы перейти границу. Солдаты сандинистской армии, которые живут в деревянной хижине рядом с нами, почти все уже имеют опыт ведения войны в этих горах. Среди них нет никого, кто не потерял бы за последние десять лет в войне против самосовцев и «контрас» близких людей, родных.

— За последний год в этом районе мы собрали урожай кофе на 21 миллион американских долларов,— говорит уполномоченный правительства Мануэль Моралес.— «Контрас» получили от ЦРУ 24 миллиона долларов, на три миллиона больше, только чтобы нас уничтожить.

То, что даже подростки ходят здесь с оружием, поначалу воодушевило наших гамбургских доморощенных борцов за демократию. Но довольно скоро мы узнали, что это не игрушки, а реальная необходимость. На четвертую ночь нас разбудили выстрелы. Тревога. В темноте мы стали выскакивать из спальных мешков, ничего не понимая, ничего не видя, не зная, куда бежать. К счастью, в ту ночь «контрас» не решились напасть на деревню.

Солдаты спали в полной форме, некоторые даже не снимали ботинок. И так каждую ночь. Несколько секунд здесь могут решить все. Утром они добродушно посмеялись над нашей ночной паникой.

Наши героические деяния в борьбе за демократию, которыми мы очень гордились дома, здесь сами собой поблекли. Одно дело идти в рядах демонстрантов, где все свои, другое, ранее нам незнакомое,— каждодневный изматывающий труд. Нам стало понятно, почему в Манагуа вежливо, но решительно отклонили предложения «тысяч юношей и девушек со всех континентов, большей частью из США, с оружием в руках сражаться против американской интервенции». Я предполагаю, что там уже имеют некоторый опыт. Революция, считают никарагуанцы, должна защищать себя сама. Почти 300 тысяч человек в стране прошли военную подготовку. И потом выдвинутый правительством лозунг «Все оружие народу» здесь понимается в самом прямом смысле: каждый никарагуанец — солдат.

Находясь в другой стране, и тем более не туристом, и тем более в такой стране, как Никарагуа, начинаешь лучше понимать себя, оценивать свои мысли и поступки как бы со стороны. «Ребята, разве уместно в данной обстановке завесить все стены в нашей столовой плакатами в защиту окружающей среды,— сказала однажды Инга.— Как бы мы сами восприняли, если бы к нам домой пришли гости и стали вешать картины на наши стены?»

Самопознание — дело благородное, но трудное. Все приводило к ожесточенным дебатам. Ежевечерние «генеральные ассамблеи» нашей гамбургской бригады в столовой прочно вошли в распорядок дня и с интересом наблюдались нашими никарагуанскими коллегами. Очевидно, они принимали этот ритуальный гвалт за типично западногерманский способ проводить свободное время после работы.

Самой горячей проблемой была «рабочая мораль». Еще в ФРГ разгорелись споры, является ли наша акция только политической или все-таки имеет и экономическое значение. После нескольких дней работы под проливным дождем, в грязи некоторые наши «бригадисты» разрешили эту проблему для себя: их труд — акция символическая. В конце концов, заявили они, мы уже заплатили две тысячи марок, чтобы только сюда приехать. Разве уже само это не важная политическая демонстрация? Да и сами никарагуанцы, по мнению «символистов», не очень высокого мнения о нас как о помощниках в уборке кофе. К середине второй недели горстка тех, кто продолжал вставать каждое утро затемно, надевать еще не просохшую одежду, привязывать к себе корзину, уходить на плантации и работать, несмотря на дождь, по-настоящему сплотились. Так мы работали два месяца подряд, весь оговоренный срок.

Эти два месяца многое изменили в нас самих, в наших взглядах на политику да и на людей.

Тильман, двадцатилетний абитуриент: «А я так восхищался этими людьми на подготовительной встрече в Гамбурге, они ведь с таким жаром рассказывали о своих политических акциях, о своих идеалах. Мне даже казалось, что я не имею морального права ехать сюда без такого опыта политической борьбы, как у этих активистов. Они меня разочаровали».

Уве Кай, 22 года: «Во всяком случае, очень важно, что здесь мы на собственной шкуре узнали, как живут люди в развивающихся странах. Одно дело, когда ты читаешь в газете о нищете, голоде, тяжелой работе за гроши, совсем другое, когда живешь так сам. Они живут здесь так плохо потому, что в нашей стране есть люди, которым живется слишком хорошо».

Инес, историк: «Глядя отсюда, из этого кооператива, политические акции, которые мы устраивали в Гамбурге, знамена, лозунги кажутся детскими игрушками. Мы только болтаем. А здесь меньше спорят и больше борются. Нам надо учиться у этих крестьян».

Один «научился здесь по-настоящему ненавидеть империализм», другой открыл для себя, что «революция — это долгая, кропотливая работа, а вовсе не один прекрасный день, когда восставшие массы все изменили», третий пришел к убеждению, что «мы, западногерманские левые, мыльный пузырь в мировой истории, ничего сами еще не сделали, но считаем, будто все знаем лучше всех».

Мы научились видеть: когда мы в теплых куртках и сапогах, чертыхаясь и дрожа от холода, собираем кофейные гроздья под моросящим дождем, никарагуанские крестьяне, женщины и дети, с кем мы работаем рядом, в тонких платьицах и большей частью вообще босиком, молча и быстро наполняют свои корзины.

В кооперативе есть только земля, которую революция отняла у латифундистов и передала крестьянам. Но обрабатывать ее нечем. Нет тракторов, нет плугов, нет грузовиков, каменистую землю обрабатывают деревянными сохами, которые волокут волы. Здесь мы воочию видим плоды той помощи развивающимся странам, о которой так много говорят западные правительства. Вместо того чтобы искать в этой стране «шрамы тоталитаризма», западным журналистам лучше было бы выяснить, куда девались миллионы марок западногерманских налогоплательщиков, выделенные правительством ФРГ на помощь развивающемуся миру. Тогда окажется, что 80 процентов этих средств перекочевало в Майами, штат Флорида, на базу подрывной деятельности против Кубы и других стран Латинской Америки.

Что мы можем сделать для Никарагуа? Хо Ши Мин в свое время ответил на такой же вопрос американского журналиста: «Освободите свою собственную страну. Это будет самое лучшее, что вы можете для нас сделать».

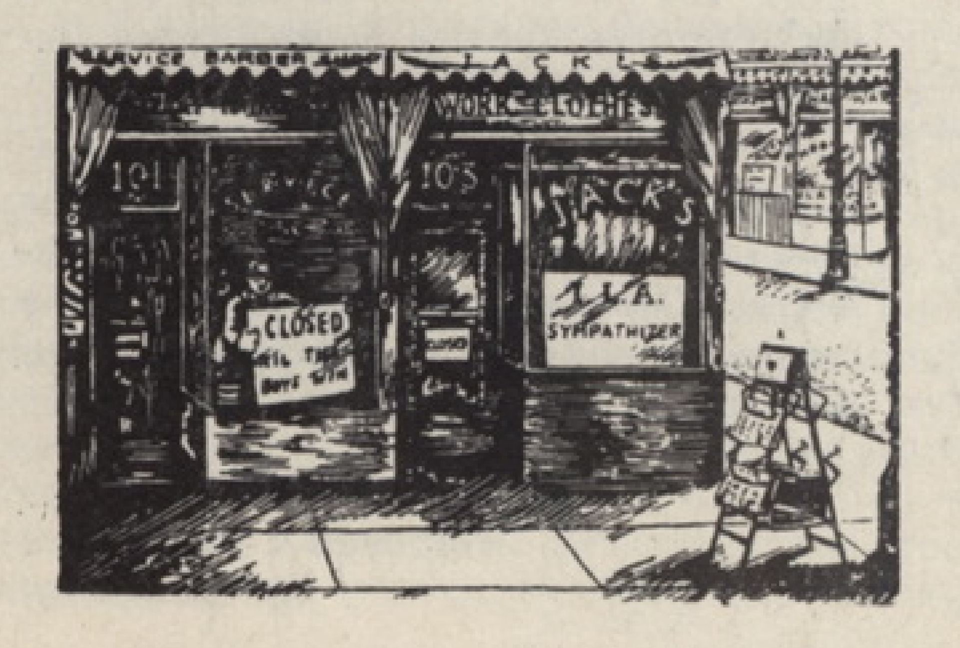
Перевел с немецкого
М. ШИШКИН

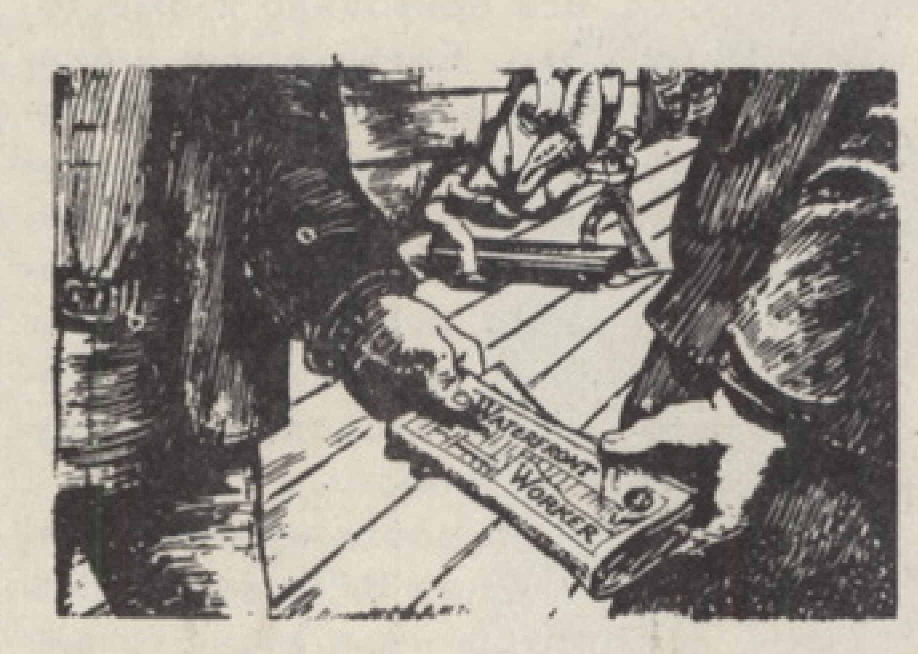

Стачка на Западном берегу полвека назад

Джордж МОРРИС,
американский журналист

9 мая исполнилось 50 лет с начала исторической забастовки портовиков и моряков Западного берега США, завершившейся всеобщей забастовкой в Сан-Франциско. Каждый из ее 82 дней был днем жестокого, порой кровавого противостояния. То было время разгара Великой депрессии, годы первого срока администрации президента Франклина Рузвельта, и еще мало что говорило о начале этапа, который войдет в историю под названием «нового курса» («новым курсом» была названа система мероприятий правительства Ф. Рузвельта в 1933—1938 годы, направленных на смягчение последствий экономического кризиса.— Примеч. ред.). Ранними туманными утрами в надежде получить работу на день на пристани собирались тысячи портовиков. В те годы предприниматели Западного берега при найме пользовались системой, называемой ими «свободной формовкой». На практике она выглядела следующим образом: кандидаты в докеры выстраивались в длиннющую очередь, вдоль которой ходил босс-наниматель и тыкал пальцем в тех, кого брал. При этом босс не забывал заглядывать в ненавистную для многих «голубую книгу», в которой имелись сведения о каждом желающем поступить на работу — прежде всего состоит ли он в каком-нибудь профсоюзе. Ясно, что система способствовала процветанию самой дикой дискриминации, социальной и расовой, что она стимулировала коррупцию и вымогательство. Для слишком многих рабочих надежды на работу, на заработок оборачивались часами споров до хрипоты и безрадостных исповедей. Но именно безысходность и отчаяние сплотили и организовали вчерашнюю аморфную толпу; люди поняли, что пора жалобы сменить на действия. Они выбрали своего руководителя — «австралийца Гарри», они даже начали печатать на ручном станке газету «Рабочий пристани».

«Вестерн уоркер» («Западный рабочий»), газета американских коммунистов Западного берега, редактором которой я был в то время, с энтузиазмом поддержала движение. Сообщения о событиях в порту и вокруг порта стали на ее полосах главными. Поворотным моментом в развитии движения было решение сотен портовиков провести символическое сожжение «голубых книг» и массовое вступление в международную ассоциацию портовиков (ИЛА). Сан-Франциско становился центром профсоюзной борьбы на всем Западном берегу от Сиэтла до Лос-Анджелеса, а ее важнейшей особенностью стала ведущая роль рядовых членов, массы, в то время как официальные представители союза портовиков в этом районе и тем более руководство в Нью-Йорке откровенно стремились к сделке с судовладельцами. В конце концов, портовики в обход официальных уполномоченных ИЛА избрали «комитет 75» во главе с «австралийцем» Гарри Бриджесом и объявили о начале забастовки...

9 мая «комитет 75» встретился на верхнем этаже одного из складов на Уотер-стрит. Мне, как редактору «Вестерн уоркера», разрешили присутствовать. Чтоб добиться этого разрешения, я просто-напросто сказал членам комитета, что, едва начав стачку, они обязательно столкнутся с единым враждебным фронтом прессы и прочих антизабастовочных сил, но на «Вестерн уоркер» они могут положиться, они могут считать его своей газетой. Я предложил им также свои услуги в качестве помощника редакторов их информационного бюллетеня, которых они сами назначат. На следующий день забастовали также члены левого профсоюза моряков. Позже к ним присоединились и другие союзы, так что общее число забастовщиков, объединенных комитетом, составило 35 тысяч человек.

Забастовка сразу приняла острый характер: враг не гнушался никакими грязными приемами, в ход были пущены ложь, хитроумная демагогия, направленные на раскол забастовщиков. Едва ли не самой серьезной угрозой стали попытки руководства ИЛА достичь соглашения с судовладельцами за спиной у бастующих. Пробовавший себя на роль диктатора председатель профсоюза Джо Райан, приехав из Нью-Йорка в Сан-Франциско, подписал такое соглашение, но был освистан и изгнан с первого же митинга рабочих.

Стойкость забастовщиков Западного берега оказалась поразительной: ее не

смогли поколебать ни преследования, ни угрозы, ни массированные усилия расколоть бастующих, ни ловушки обещаний. Председатель Американской федерации труда /АФТ/ Уильям Грин объявил забастовку «незаконной»... Председатель профсоюза моряков дальнего плавания Анрю Фурусет призвал моряков не связываться с бастующими портовиками... Представители министерства труда пытались остановить забастовку запугиваниями и обе-

щаниями... Все было напрасно: в стене забастовки не было трещин.

Со своей стороны, хозяева судов решили взять забастовщиков на измор. Неделя-другая голода, считали они, и ряды их распадутся. А там можно будет использовать во время каникул студентов колледжей в качестве штрейкбрехеров. Готовились к решающим сражениям и забастовщики — собирали одеяла, теплую одежду, запасались едой.

В наступление первой двинулась Промышленная ассоциация, представлявшая бизнес Сан-Франциско, развязав в июне мощную кампанию клеветы и слухов о «красном заговоре» и готовящейся «коммунистической революции». Сообщалось и о том, что отряды штрейкбрехеров готовы к работе. Ассоциация судовладельцев несколько

раз даже объявляла о начале погрузочных работ силами штрейкбрехеров, но потом их откладывала. Наконец 3 июля при поддержке сотен полицейских после массированной газетной артподготовки они начали. Их встретили в порту более двух тысяч рабочих. В тот день многие были арестованы, появились первые раненые.

5 июля среди бастовавших докеров вновь было объявлено состояние боевой готовности; противник тоже не дремал: губернатор отрядил в помощь полиции четыре с половиной тысячи национальных гвардейцев. Новые столкновения, новые жертвы, раненые отправлены в госпиталь.

Едва наступило затишье, я вернулся в редакцию. Там меня и застал телефонный звонок. Нам сообщили, что только что были убиты двое рабочих. На улице, рядом со зданием, где находится штаб бастующих, я уже не застал трупы. Они были увезены, но место, где пролилась кровь товарищей, рабочие отметили красными розами и надписью: «Здесь убиты двое. Убиты полицией». Этот день стал известен как «кровавый четверг». Ник Бордауз был убежденным коммунистом и членом объединения судовых коков, которые, кстати, день и ночь трудились на кухне стачечного комитета; Говард Сперри был докером.

В тот день в порт были введены

1700 национальных гвардейцев; их выстроили вдоль набережной, других — с пулеметами разместили на крышах прилегающих зданий. И все же 9 июля состоялись похороны убитых, на которых присутствовало 40 тысяч человек. По крайней мере 20 тысяч из них прошли траурной процессией по Маркет-стрит.

Теперь ни у кого не оставалось сомнений в том, что близится час всеобщей забастовки. На следующий день 2500 членов Международного братства водителей единогласно проголосовали за забастовку. Собственно, это автоматически означало и начало всеобщей забастовки, так как жизнь в Сан-Франциско зависела от работы транспорта и трамваев. Тут же все магазины города подверглись осаде: обыватели запасались продуктами. На глазах таяли запасы бензина на заправочных станциях...

В понедельник 16 июля Сан-Франциско был парализован. Не работал транспорт, так что невольно к забастовке присоединились и те, кто в профсоюзы не входил. Ни единого автобуса, ни единой машины не было видно на широкой четырехрядной Маркет-стрит. Около 60 тысяч членов профсоюзов в Сан-Франциско и 40 тысяч в соседнем Окленде вышли на забастовку.

Начало забастовки стало сигналом к террору: мэр города усилил армию национальных гвардейцев губернатора полутысячным отрядом фашистских молодчиков из так называемых «гражданских» комитетов. Для начала они методично обошли все четыре районных центра компартии, избивая всех, кто находился в помещениях, и круша все, что попадалось под руку. Такой же погром был устроен в рабочих центрах, была подожжена типография, где печатался «Вестерн уоркер», а подоспевшие пожарные с успехом уничтожили все, что можно было бы спасти, с помощью брандспойтов. Под конец были устроены налеты на главные помещения партии и редакции, а также книжного магазина на Гроув-стрит. На зеленой траве газона налетчики собрали в огромную кучу мебель и книги и устроили из них огромный костер. Один зоркий репортер рассмотрел корчившуюся в огне обложку тогдашнего бестселлера — это был роман Синклера Льюиса «У нас это невозможно». Репортер сделал тогда фотографию, которая стала историческим документом о фашизме в «американском стиле».

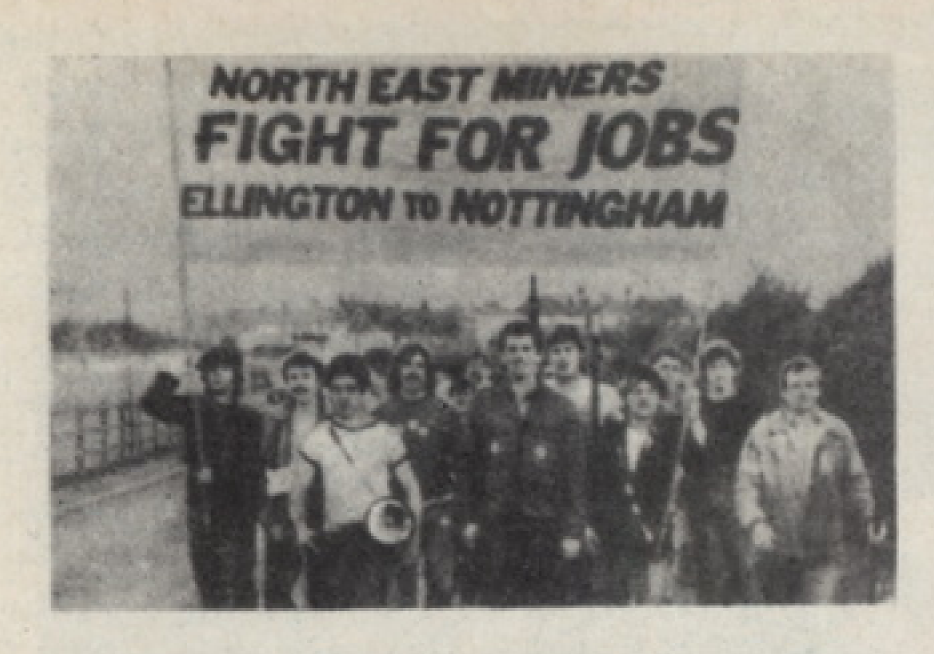
Сотни активистов забастовки или подозреваемые в «подрывной» деятельности были арестованы, многим были предъявлены обвинения в бродяжничестве или уголовного характера. Камеры были настолько переполнены, что заключенным приходилось спать на полу.

Наконец решение водителей грузовиков прекратить забастовку с 20 июля, дикий крик, поднятый прессой, призывавшей к «истреблению коммунистов», репрессии со стороны национальной гвардии и полиции — все это вынудило портовиков проголосовать за прекращение стачки. Они согласились это сделать, но при условии, что будет положен конец всякой дискриминации, будет узаконено присутствие представителя профсоюза при найме на работу и будут уволены все штрейкбрехеры. 82-дневная забастовка закончилась 31 июля.

Хотя в дальнейшем пресса много кричала о «провале» забастовки, история показала, что в целом ее плоды были крупным завоеванием рабочих. В октябре арбитражная комиссия подтвердила правомочность большинства требований забастовщиков. Предпринимателям не удалось добиться ослабления организованного рабочего движения. Наоборот, оно набирало силу и привело в скором времени к прогрессивным изменениям в условиях найма, к отмене дискриминации, сокращению рабочей недели, определенному увеличению оплаты труда...

Перевел с английского
С. РЕМОВ

Битва при Аламо и Оргриве в наши дни

Халупа неподалеку от закрытой шахты Кортонвуд имеет вид времянки, на скорую руку сооруженного передового укрепления в стиле «покорения дальнего Запада», потому и зовут ее подобающе — Аламо. Но, впрочем, кто знает, сколько ей суждено простоять, сколько удастся продержаться ее хозяевам? Внутри пока чувствуется некоторый бивачный уют: побитые, стащенные отовсюду стулья расставлены полукругом перед железной печкой, на которой всегда теплый закопченный чайник, по столам и по полу раскиданы газеты, столовые приборы и дешевые школьные завтраки в прозрачных пакетах — надо, бери и ешь. Здесь всегда народ, одни уходят, другие приходят; здесь все — от паренька, едва закончившего курсы, до старика пенсионера — в охране своей притихшей шахты-кормилицы, а пока что за чаем, коротая время между пикетами, они перебрасываются злыми шутками по адресу главного в этих местах пугала Яна Макгрегора.

Газеты пишут, что в Кортонвуде орудуют «политические смутьяны»; прежде чем возглавить забастовку, сообщает «Дейли экспресс», все они «были тщательно отобраны за их коммунистическое, марксистское прошлое». Репортеры, набежавшие в Кортонвуд в поисках «красной пропаганды» и «смутьянов», с надеждой пялят глаза на объявления, висящие на стенах Аламо, но там лишь советы, как добиться «замороженной квартплаты» да где сегодня можно купить дешевые мясные наборы. Репортеры хватают за пуговицу руководителей местных забастовщиков.

«Не такие уж мы воинственные и бастуем не ради своего удовольствия,— терпеливо поясняет Мик Картер, представитель профсоюза горняков.— Бастуем, чтоб не протянуть ноги». Кто хочет, тому нетрудно узнать, что в недавнем прошлом вот эти же шахтеры из Кортонвуда — это графство Йоркшир — ходили в умеренных и даже на выборах не поддерживали левых в своем округе. Они и сегодня твердят, что «не вмешиваются в политику», хотя на деле своими пикетами, своей заявленной во всеуслышание решимостью «бастовать хоть семь лет, если потребуется», эту самую политику гнут в свою сторону. Пытаются гнуть. Между прочим, именно Кортонвуд стал фитилем, от которого вспыхнул пожар стачки шахтеров по всей Англии.

В их округе безработица сейчас держится на уровне 25 процентов, а единственная серьезная промышленность — та же угольная. «Нет, сэр, это, конечно, не райское местечко, это просто шахтерский поселок». И для них это уже многое объясняет. Все разговоры о политике — это разговоры о том, что шахтеров хотят обмануть. «Макгрегор,— говорят они,— хочет отнять у нас работу, а Магги (премьер-министр Маргарет Тэтчер.— Примеч. ред.) зарится на наши профсоюзные билеты. Но они своего не получат».

Так кто этот ненавистный Макгрегор и в чем сокрыт обман?

1 марта, или через два дня после того, как шахтерам Кортонвуда официально гарантировали работу на ближайшие пять лет, и через три недели, как на их шахту дополнительно перебросили 80 рабочих из других мест, Национальное управление угольной промышленности, то есть правительственное министерство, возглавляемое тем самым Яном Макгрегором, объявило о закрытии Кортонвуда и еще 19 шахт и сокращении 20 тысяч рабочих. План консервативного правительства предусматривает закрытие еще 50 шахт, а общее количество сокращенных планируется довести до 70 тысяч (всего занято в отрасли 180 тысяч человек). Макгрегор как представитель этой экономической затеи пояснил стране, что делается это «ради блага народа»: закрываются старые шахты с дорогим углем, а вся добыча будет сосредоточена на новых, больших, которые в дальнейшем будут переданы из национализированного сектора частным владельцам.

С этой точки зрения шахтеры, выступая против намеченных мер, ведут себя не только эгоистично, но и неразумно по отношению к интересам нации. Таков ударный аргумент правительства в споре с выгнанными из забоев горняками, именно им оно стало прежде всего размахивать в «большой прессе», сея подозрения в душах читателей, вбивая в них ненависть к «зажравшимся шахтерам». Англия едва выбралась со дна глубокого кризиса, без работы более трех миллионов, сплошь и рядом «по необходимости» урезаются пособия и социальные программы, а тут шахтеры, видите ли, мешают «рационализации» и «разумной экономии». Нужно сказать, что идеи и выводы консерваторов очень даже стали овладевать обывателями.

Если пересечь границу Йоркшира, если очутиться у такой же шахты, как Кортонвуд, но в Ноттингемшире, то можно увидеть, как действует на психику и психологию конверт с еженедельной получкой, в которой заботливо вложены и «премиальные» за отказ поддержать забастовку; эта надбавка штрейкбрехерам за «патриотизм» солидно превышает самую заработную плату. Когда их донимают вопросами: «Что молчите, почему не поддерживаете своих же братьев шахтеров? Думаете, вам не грозит безработица, потому что директора пообещали не закрывать шахту в этом году? А как, если закроют в будущем?» Так вот, когда их донимают, они занимают оборону. «Вы что, не слышали, что у нас большинство проголосовало продолжать работу? Или у нас не демократия?» — так отвечают они и идут давать уголь на-гора.

На развитие такого рода «демократии», когда мнений и суждений множество, а решение остается за политиками, консерваторы не жалеют ни средств, ни хитроумных усилий, ни примитивного террора. А для кортонвуд-

цев и всех остальных 20 тысяч уволенных лишь в поддержке товарищей по профсоюзу и вообще товарищей по рабочему движению остается надежда.

Нет, правительство не собирается, конечно же, полностью свертывать добычу угля. Используя существующие запасы, используя нефть и газ со скважин Северного моря, ввозя уголь из ЮАР и Австралии, пользуясь, наконец, просто летним спадом в спросе, оно решило добиться прежде всего двух программных для себя целей: отрезать еще один кусок от национализированного сектора и передать отрасль в руки частного капитала, и второе — подорвать роль тред-юниона шахтеров, традиционно очень сильного во всем рабочем движении. Практика пяти лет правления показала, что террор безработицы — любимое оружие в прове-

дении консерваторами их экономической линии. Ну а для ее конкретного осуществления годится и просто террор, жесткая рука силы.

...4 июня в семь тридцать утра шахтер Стив Брант был у ворот коксохима Оргрив рядом с Шеффилдом. Стена людей, пересекая шоссе, силилась отгородить ворота от внешнего мира. Пикеты шахтеров, объединившись, решили помешать доставке на завод угля, потому что вопрос стоял так: если они не остановят завод, не остановят работу ТЭЦ, то их задушат умолчанием, их «не заметят»... Итак, было семь тридцать утра, и именно в это время полиция предприняла свой первый маневр, попытавшись разъединить толпу забастовщиков, чтобы освободить проезд. У завода находилось не менее пяти тысяч пикетчиков, но с каждой минутой росли силы и у полиции, получавшей все новые подкрепления. Первая атака пришлась на то крыло пикетов, где находился Стив и где среди прочих был Артур Скаргилл, президент профсоюза. Едва пешие полицейские врезались в гущу шахтеров, как тут же им на помощь ринулись, разя направо и налево дубинками, конные. Через минуту в том месте был хаос: мелькали дубинки, падали люди, летели камни, слышались крики и стоны. Так длилось, пока полицейские не отошли на исходную.

В восемь тридцать полиция перегруппировала силы, вперед выступил отряд «специалистов по борьбе с уличными беспорядками», облаченных в

специальную форму, в шлемах и со щитами; в это же время по цепочке бастующих передали, что на подходе к заводу еще 35 полицейских машин поддержки; значит, следом за ними идут и грузовики с углем.

«Понятное дело,— говорил потом Стив Брант,— полиция о том узнала еще раньше; полицейские бросились клином к воротам, дубинками сшибая с ног встречных. «Ну, давайте, давайте, подонки! — подначивали они нас.— Кто еще не получил?» Я сам видел, во что превратилось лицо у одного парня, когда тому со всего маха заехали дубинкой. Мясорубка продолжалась минут пятнадцать, но нам показалось, что прошел час, не меньше. К этому времени полицейские солидно усилились — около сотни машин поддержки примчалось на место битвы. Теперь их было тысячи четыре, не меньше.

В десять все полицейские были в деле; конные рассекали на части ряды бастующих, по их следам в толпу врывались пешие, сбивая с ног, хватая без разбора. Пикеты на этот раз не устояли: мы увидели, что грузовики уже въехали на территорию завода. Первый раунд схватки мы проиграли, но впереди еще был день...

К двум часам дня забастовщики были снова на месте. Теперь мы поменялись позициями: у ворот стояли полицейские — первая линия в противоударных шлемах со штурмовыми щитами, за ними четыре ряда молодцов с дубинками. По сторонам полицейского каре разместился резерв, еще дальше и правее ударный отряд из двадцати двух всадников. Слева отдельной группой стояли двенадцать полицейских с собаками. Ярдах в трехстах от первой линии — вторая. Около трех пополудни нас, забастовщиков, противостоявших

этой армии полицейских, осталось около четырех сотен. Сцена напомнила кадры из фильма о битве английских войск с африканским племенем зулусов...

Надо было видеть растерянность на лицах молодых ребят, когда в воротах показались грузовики, и все поняли, что помешать им мы уже не сможем. Именно в этот момент над головами просвистело несколько камней, я уверен, их кинула рука полицейских провокаторов. Вот тогда-то полиция и пошла в решительную атаку. Снова, подбадривая себя криками: «Бей подон-

ков! Вали их на землю!» — ринулась на нас «кавалерия, поддержанная пехотой».

Мне повезло: ободрав руку и плечо, когда какой-то кавалерист прижал меня к стене, я все же сумел увернуться и выскочил к железнодорожной насыпи. Оттуда, сверху, мы увидели, что грузовики выезжают с завода.

Сегодня был не наш день. Мы знали, что вечером нам еще предстоит прочесть в газетах, как мы напали и спровоцировали полицию, и что там не будет написано ничего о жестокости против безоружных, там снова будут мешать горняков с грязью. Но мы знали, что завтра утром мы будем на месте...»

У коксового завода Оргрив было ранено 50 шахтеров, в том числе и А. Скаргилл. Но все же шахтеры добились первого важного успеха: забастовку поддержали все шахты. Состоялась и общенациональная забастовка.

Пока готовился к печати этот материал, ежедневно приходили новые сообщения об арестах сотен участников забастовки, о раненных в стычках с полицией, приходили и сообщения о все ширящейся поддержке целей и задач, за которые ведут борьбу шахтеры, как английской общественностью, так и трудящимися за рубежом. В фонд бастующих горняков поступают средства от профсоюзов Англии, Австралии, Дании, других отрядов трудящихся, от частных лиц, прогрессивных деятелей мира.

По материалам английской печати

Нина ЧУГУНОВА

ФРИЦЕК

Когда фашисты врываются, мать успевает шепнуть ему: уходи! Со стороны это выглядит так, будто она выставляет его за дверь на время, пока взрослые будут разговаривать. И он повинуется, как настоящий хороший солдат. Даже на тех, кто пришел, жест и бестрепетный голос матери действуют гипнотически. И они, наверное, тогда подумали: действительно, пусть мальчишка побудет на лестнице, куда он денется, ни черта не понимает и заторможенный какой-то, меланхолик. «Меланхолический мальчик» — это потом было главной приметой, когда они кинулись искать его. По мнению ищеек, это должно сразу бросаться в глаза.

Был тридцать пятый год.

Он вышел за дверь, огромную дверь. Все в их старом доме скрипело, пело. Снаружи дом был каменный, темный, зеленый и влажный, а внутри деревянный, поджарый, сухой и скрипел, на все откликаясь. Огромная чистая лестница. Он пошел по лестнице, посылая наверх звук медленных беспечных шагов. Он все понял: торопиться нельзя. Он не был хорошим солдатом, пока и не был актером. Много лет спустя он употребил выражение «политический ребенок», рассказывая о себе бородатому русскому кинорежиссеру, пока ассистенты разворачивали аппаратуру.

Политический ребенок. Ему было одиннадцать лет. Мать называла его Фрицек. После того как в Лейпциге уже начали хватать коммунистов, его отец получил приказ от партии покинуть страну. Он перешел границу и был в Чехословакии. Женщину — мать с одиннадцатилетним сыном — некоторое время не трогали. Но потом это время сменилось другим... Когда штурмовики загремели вверх по лестнице, мать поняла, что надо сделать, не умом и не чутьем, а так, как выбрасывают дитя из горящего дома, когда уже падает кровля: там есть люди, подхватят, может быть. Она не успела его обнять: «Уходи, иди к отцу». Расслышал ли он эти непроизнесенные слова? Но как она могла сказать такое, как могла вообразить, что малыш способен проделать путь, уже недоступный для взрослых в Германии тридцать пятого года! Малыш в гольфах, в коротких брючках... Фашисты обыскивали квартиру, а она слушала скрип лестницы, потом заликовала: открылась дверь парадного и хлопнула. Потом ее вели вниз, слишком много мужчин, подряженных на простое дело стащить ее вниз и затолкать в машину. Слишком много молодых людей для простого дела выволочь одного человека из дома, и как много детей у подъезда, но пусть они ее видят, как ее тащат: не все дети умны, как Фрицек, а нам надо думать о том, что еще будет, — следовательно, пусть дети видят.

К 35-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Из этого дома ушел когда-то Фриц Штраубе сражаться за новую Германию и за новую судьбу немецкого народа. Он пришел сюда снова много лет спустя (на снимке слева). Теперь здесь живут другие люди и их дети, родившиеся в первом в истории государстве рабочих и крестьян на немецкой земле. На снимке справа — один из сотен немецких антифашистов, интернационалистов и подлинных патриотов, тех, кто, как и Фриц Штраубе, в составе Советской Армии освобождали Европу от коричневой чумы гитлеризма.

Рассказывает Михаил ЛИТВЯКОВ, режиссер фильма «Мы не сдаемся, мы идем», лауреат Государственной премии СССР.

— Когда мы начали подбирать кадры кинохроники, перерыли массу материала. Я сидел в архивах Болгарии, Чехословакии, ГДР... Фильм о детях антифашистов, следовательно, надо найти такие кадры, которые как бы показывали происходившее так, как это видел ребенок. Например, если это Испания, то мы взяли кадры, где играют в баррикады. Но они не играют — они строят эти баррикады!

Кинохроника Германии тридцать четвертого года. Церковь, колокол, флаг со свастикой. Улица, по улице проходит отряд гитлерюгенда. Из дверей дома нацисты вытаскивают сопротивляющегося человека — слишком много молодых сильных людей на одного человека. Другой кадр. Человек осторожно вытаскивает из рукава пиджака номер «Роте фане». Он разворачивает газету так, чтобы оператор мог снять, запечатлеть время,— номер за тридцать четвертый год.

Это будничные кинокадры из жизни предвоенной Германии. Скоро к ним станут добавляться другие будничные кинокадры. Парадные кадры: маршируют. Будничные: расстреливают.

Он пошел к отцу. До этого дня он носил в ранце листовки и газеты, умел незаметно пройти на явочную квартиру, запомнить слово в слово то, что надо передать товарищам по партии. А в школу он ездил на трамвае, несколько остановок мимо веселых и грустных домов к суровому зданию народной школы. Он и сейчас сел в трамвай, как будто ехал в школу: задумчивый мальчик, аккуратный и с ранцем, вырабатывающим у мальчиков хорошую осанку — выправку будущего солдата рейха.

«Лейпцигер нойесте нахрихтен». Номер за 12 сентября 1935 года. «Безутешные родители умоляют каждого, кому, возможно, встретится мальчик Фриц... Этот меланхолический мальчик может покончить с собой...»

Авторы объявления были уверены, что мальчишка прячется, перепуганный, где-нибудь в подвале. Или бродит по городу. Первый же встречный — обыватель с добрым сердцем семьянина — притащит мальчишку, как бы тот ни упирался. «Родители заклинают каждого, кто встретит Фрица...» Мать пытали, она молчала. Тогда они сказали ей, что ребенок уже найден. Она поверила и молчала. Они пообещали ей, что будут пытать сына у нее на глазах. Она поверила, молчала. Нет, конечно, думала она, Фриц не успел уйти из города. Он маленький, испуганный, совершенно один. Они начали хватать всех и в конце концов схватили Фрица, поверила она. То, что было с ее страной, было и с ней. Она, мать, теряла надежду.

У школы он сошел с трамвая, прошел через школьный двор и вышел как школьник, уроки которого закончились. Поиски его уже начались. Он не успел уйти из города раньше. Город для него был слишком большой. Но он все равно шел. В одиннадцать лет он знал, кто фашисты, какие они. Но самое важное, что и заставляло его идти,— необходимость передать отцу, что случилось. Он шел с поручением. Это придавало ему силы. Так его воспитали.

Михаил ЛИТВЯКОВ.

— Несколько слов о том, как родилась идея этой картины. Давно это было! Вместе со сценаристом Борисом Тихоновичем Добродеевым мы были на Лейпцигском кинофестивале и там познакомились с удивительной женщиной Урсулой Фогель. Она великолепно говорила по-русски. Как выяснилось, детство она провела в Советском Союзе, здесь и училась. Потом, когда началась война, она с Красной Армией пошла на фронт. После войны строила новую Германию. Видите, биография простая, короткая и замечательная. Урсула Фогель сказала нам: «Почему бы вам не сделать фильм о детях антифашистов разных стран — ведь такие судьбы!» Борис Тихонович сказал Урсуле: «Я уже снимал фильм о детях испанцев, он называется «Вторая родина». Но Урсула настаивала, говорила: «Вы разыщите этих людей, познакомьтесь с ними. Есть, например, Фриц Штраубе...»

Перрон. Конечно, флаг со свастикой. И обязательно полиция. Свастика на рукавах. Догадались ли они, что мальчик попытается уехать? Пока еще нет. Они ищут в городе, а через город к вокзалу идет Фриц в девчоночьем платье в сопровождении взрослого. Взрослый покупает билет на поезд, идущий в сторону границы. Полицейский прохаживается. Он видит, девочка в некрасивом платье, возможно, впервые едет одна и немного боится. Он проходит, можно представить, мимо, взрослый подсаживает девочку в вагон и уходит сразу после того, как поезд трогается. Недалеко от пограничного пункта поезд слегка притормаживает. Маленькая фигурка в платье прыгает со ступеньки. Фриц идет через лес. Он видит солдат на пограничном пункте. Поезд стоит, в каждый вагон входят люди в форме для проверки документов. Он обходит пограничный пункт стороной, стараясь не терять направления. По пути ему встречается речка. Он ищет брод. Вода холодная. В воде скользкие камни. Он переходит речку так, чтобы не замочить платья. В одиннадцать лет он уже хороший конспиратор. Возможно, что он даже снял ботинки, чтобы они остались

сухими и в случае чего его вид не вызвал подозрений...

Михаил ЛИТВЯКОВ.

— Судьбы наших героев мы узнали из архивов Красного Креста, из других архивов. Для сценария этого было достаточно, но для фильма мало. Надо было, чтобы материал оброс кинодокументами. И очень многое зависело от личных встреч с героями... По своей работе я знаю, что герой может сильно отличаться от образа, который мы сами себе создаем, знакомясь с биографией. Прочитав сценарий «Мы не сдаемся, мы идем», я стал мечтать о встречах с рыцарями двадцатого века. Так я называл моих будущих героев. Чавдар Драгойчев, сын Цолы Драгойчевой, болгарской коммунистки, Урсула Фогель... А Фриц Штраубе был едва ли не самым необычным хотя бы потому, что уже существовал фильм, как бы снятый о нем! Фильм назывался «Карл Бруннер», и там была прекрасная песня: «Мы не сдаемся, мы идем, и если грянет бой...»

Кадры из фильма «Карл Бруннер» (сценарий и художественное руководство Белы Балаша). По улице идут дети коммунистов и поют: «... и если грянет бой, мы победим, мы вас сметем с лица земли долой!» Полицейские роются в комнате. Полицейский рассматривает фотографию. Полицейский: «Дворник!» Дворник: «Слушаюсь!» Полицейский: «Это что за мальчишка?» Дворник: «О, да это же Карл! Ее сын. Ну, конечно же, Карл! Ее сын». Полицейский: «Где он?» Дворник: «Я думаю, в школе, господин лейтенант. Он скоро придет». Полицейский: «Ага!»

Кадры из фильма «Мы не сдаемся, мы идем». Говорит Фриц Штраубе.

— ...и дело получилось так, что, проходя по этой улице (небольшого чешского городка на границе.— Примеч. ред.), я уже считал дома́, значит... вот в этом доме он должен жить. Я не дошел и сотни шагов, вдруг он вышел. Он меня увидел. Ну я к нему кинулся, и тут я разрыдался, да... Я ему сказал, значит: «Фашисты забрали мамашу»... Да. Ну, конечно, мне было всего одиннадцать лет, это такое пережить. Это же было трудно. Я там некоторое время жил, потом в Прагу переехал, и там... оттуда с липовым паспортом мы через пилсудскую Поль... через Польшу, и опасения были. Ну, благополучно доехали до границы, Погорелое. Ну, и очень хорошо помню, как мы проехали ворота там, и там было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Красная звезда и пограничник... вот, в буденовке и со штыком, да, с винтовкой и со штыком. Значит, мы были на Советской Родине...

Диктор: «Так стал интердомовцем сын немецких коммунистов Фриц Штраубе». Фото Фрица Штраубе школьника.

Михаил ЛИТВЯКОВ.

— Меня не перестает волновать проблема подачи факта — в кино, в печати. Как заставить зрителя, если это кино, документальное кино, сопереживать, волноваться, плакать даже? Нет ничего проще факта, простого его пересказа. Но часто простой, голый факт неточно воспринимается. Нужно заставить думать над фактом. Как? С другой стороны, всякая попытка приукрасить или излишне старательно «подать» факт тоже вредит — зритель уже не верит... Я стремлюсь полюбить своих героев, включить в работу сердце, душу... Каждый герой нашего фильма просто сидит перед камерой и рассказывает. Остальное — почти все — хроника. Мы нашли великолепные кадры, где дети накануне войны играют... в войну. Они играют, не представляя себе, какой ужас несет война, они играют с фанерными танками, с деревянными автоматиками. И как ребята красным командирам читают стихи — без улыбки на них сейчас нельзя смотреть... Это был воздух времени, который только и мог заставить нашу картину жить, дышать.

Кадры из фильма. Ребята читают стихи. Мальчик: «Если в море заклокочет вражеский линкор, младший сын мой, краснофлотец, даст ему отпор!» Девочка: «Если будем всем народом сразу воевать, я пойду в огонь и в воду, их старуха мать!» Аплодируют красноармейцы с детьми на руках.

Об Ивановском интердоме знают все. Война для интердомовцев началась раньше, потому что интердомовцы были, по сути, военные дети... Многие носили вымышленные имена и фамилии. Многие совсем не получали писем из дому. Многие уже потеряли родителей... В Иванове был живой уголок, сцена для концертов, красивый дом стоял перед лесом... Было принято, что рассказывали друг другу немногое... И никто не хвастался, не гордился и не старался отличиться от других тем, что было с ним раньше. Чаще всего это была запретная тема. Другая тема была самой популярной: будущее.

Отец Фрица сражался в Испании, чтобы остановить фашизм. За это в Испании погибали русские, испанцы, итальянцы, немцы... «Мы наносим фашистам такие удары, что они здорово удирают. Если ты что-либо слышал о нашей победе под Гвадалахарой, то знай, что твой отец тоже участвовал в этих боях». Отто Штраубе, боец батальона имени Тельмана, сформированного из немецких антифашистов, будет потом брошен в Германии в концлагерь.

Потом началась война. Фриц ушел на фронт. Ушли на фронт поляк Петр Жарский, болгарин Благой Касабов, итальянка Тереза Мондини... Петр погиб под Калинином... Погиб Благой Касабов. Девушек из интердома, захватив их в Белоруссии, угнали на работу в Германию, и многих ждали лагеря, смерть...

Михаил ЛИТВЯКОВ.

— Мы приехали в Берлин в самый разгар работы, то есть уже побывав в других странах и встретившись с большей частью наших героев. Что за люди! Одинаково жизнелюбивы, одинаково прямодушны, добры, и видно, как они прожили жизнь, видно по глазам их. Вот чешка Мирка была в концлагере Равенсбрюк, а сколько в ней энергии, оптимизма. Она сказала: «Не знаю, как это девочки наши смогли, принесли мне в тюрьму передачу, еду!» Это мы снимали в Чехословакии, на границе, так сказать, с Фрицем. Знаете, это такие люди, для них нет границ, нет невозможного. Дети земли они. Прослышат, кто-то из своих заболел,— летят, пересекают границы, прилетят: «Что с тобой, чем тебе помочь, или грустишь, хандришь?»

Фриц нас встретил в аэропорту. И я увидел человека... наверное, таким был его отец! Такие люди повторяются из поколения в поколение. Высокий, седой, весь поджарый, спортивный, прямой, глаза голубые, и я подумал, конечно, он нравится всем девушкам на улицах, идет по улице и всем подряд нравится, и люди все любуются им, какой он седой и глаза голубые, а кто-то скажет, типичный немец или настоящий немец,— и так оно и есть. А мне ведь сказали, что в музее Лейпцига есть целый раздел, посвященный Штраубе: отцу, матери, сыну. И что в музее висит шинель Фрица. И я вгляделся, признаюсь, с некоторым даже и страхом: кто передо мной? И не увидел ни намека на монументальность и позу, а просто красотой награждается человек за всю свою жизнь: как он ее прожил, таким он и будет, как он живет, таким он и будет нравиться людям. Или не нравиться. Очень часто ведь настоящая красота, как звание, заслуживается со временем... Ну, это я отвлекся. Мы приехали, живо разместили аппаратуру, все ходили к соседу, просили не стучать, а сосед что-то плотничал, дело происходило на даче. И пролетел самолет. Я тем временем пытался понравиться Фрицу, потому что самый замечательный человек не

раскроется в беседе, если собеседник ему не нравится. И я старался, так сказать, в интересах дела.

... и я старался, очень старался, хотел представить себе, что испытывал Фриц, переступая границу. Потом мы с Фрицем довольно подружились, я опять приезжал в ГДР, и он, как историк, консультант, помогал мне по-дружески уже по поводу нового фильма «Годы и судьбы»... Но я не мог в лоб спросить его о том, что он испытал, переходя границу в составе советских войск. И он мне не говорил об этом прямо. Но он говорил, например, все время: наши солдаты. Или: наши ребята. И, собственно говоря, что тут спрашивать?

Кадры из фильма. Фриц Штраубе сидит перед камерой на свежем воздухе, он в белой рубашке, твердый очерк лица.

— Помню... значит, переехали мы границу... И там на первом выгоревшем здании было крупными буквами так написано: «Вот она, проклятая Германия!» Да... Это, значит, первые наши солдаты написали, да... Ну, и мне, значит, трудно было... Она была «проклятая Германия»... и была...

«Проклятая Германия». «Проклятые немцы». «Фрицы». Для миллионов язык Гейне перестал звучать, а был язык ненавистный, язык оккупантов. Вот против чего шел в тяжелой шинели немец, немецкий мальчик по имени Фриц, Фрици, Фрицек... В сущности, он ведь почти ничего не рассказал о себе сценаристам и режиссеру снимающегося фильма. Они сами поняли многое, потому что сами были военного времени дети...

Михаил ЛИТВЯКОВ.

— Работая в киноархивах, я наткнулся на кадры, где на больших щитах написано: «Вот она, проклятая Германия!» Но в фильм я эти кадры не стал вставлять.

Фриц шел в передовых частях, он был военным переводчиком, диктором на радио, вещавшим в сторону немецких частей, он был военным пропагандистом... все время на передовой. Он всеми фибрами души ненавидел фашистов. Но ведь те, кто шел рядом, говорили: «Немцы!» Те кадры с надписью я не стал использовать, так как понял, какой это был бы перегиб. Вы бы видели Фрица, когда он сказал мне: «Вот она, проклятая...»

Кадры кинохроники: развалины города. Люди идут мимо развалин. Бранденбургские ворота. Группа людей у комендатуры. Солдаты. Люди.

Фриц ШТРАУБЕ.

— ... Стремление было скорее вернуться, потому что цель была восстановить и сделать новую, антифашистскую Германию, нашу Германию. И я сразу же пошел в правление компартии. «Штраубе?» Оказалось, отец работал в антифашистском комитете. «Мы сейчас ему позвоним». Отец там взял трубку, и этот товарищ ему сказал: «Отто! Тут знакомый, он хочет с тобой поговорить». А отец говорит: «Какой знакомый, откуда он? Из Испании?» — «Нет».— «Из Мексики, из США, из... Северной Африки, из Франции?» Товарищ говорит: «Что у тебя все уклоны на запад, да? У тебя на востоке нет никого?» И тогда у отца дро... дрогнул голос, да... Говорит: «Сын!» И вот срок прошел двенадцать лет, и мне пришлось произнести слово «папа». Встретил поседевшего... ветерана испанской войны. И вообще, просидеть столько времени у фашистов.

Вот какой был день. А сделать из этого дня целую жизнь — многолюдную, пеструю, важную, вызывающую сочувствие, и страдание, и счастье, слезы, было делом работников кино, и они делали это дело, набирая тысячи метров кинохроники, прокручивая эти бесконечные ленты кинохроники, но за кадрами кинохроники все равно оставалась до конца не узнанной, не раскрытой судьба Фрица Штраубе, потому что до конца раскрыть человеческую жизнь невозможно, даже тогда, когда жизнь сама ведет свой сюжет и сюжет легко поддается литературе.

Михаил ЛИТВЯКОВ.

— Что было с ним потом? Я наблюдал за ним в короткие встречи, я видел, какой он: точный, обязательный, правильный, воспитанный человек, образованнейший, спокойный. Историк, и любит свои книги, уединение, большей частью живет в пригороде, на даче. Во многом — немец. Однако совсем нескрытный, не излишне сдержанный, как нам обычно представляется немецкий характер. Они тогда собирались у Фрица дома, интердомовцы, свои. Я любовался, на них глядя! И Фриц был заводилой, руководителем веселья, он пел, он так смеялся... А счастлив ли он вообще? Знаете, не разобрался я в этом. В работе, знаю, счастлив, удачлив. Пишет книги, много книг написал. Преподает. Любит свою работу. Мы поехали с ним в Лейпциг, я знал почти наверняка, что в фильм эти кадры не войдут, слишком много накапливалось материала, судеб было много, но поехал, повез его. Хотел посмотреть, как он войдет в их дом... Мы прошли с ним весь путь, ехали на трамвае. Он разволновался, когда входили в подъезд, поднимался по этой лестнице, она скрипучая такая, деревянная... А когда вышел, тут собрались дети играть, и он вдруг стал им рассказывать, что, мол, он тут раньше жил, и стал показывать на окно, и все рассказал... а дети эти смотрели на него как на пришельца. До чего это давно, казалось бы, было, но какой малый срок, чтобы столько вместить в одну человеческую жизнь и в одну молодость! Что тут говорить, сколько приходилось ему, антифашисту, сыну антифашиста, встречаться уже после войны с немцами одураченными, околпаченными, с обманутыми людьми — и это были свои, это была родина, и на родине ему приходилось наверняка испытывать без конца и нелюбовь и подозрение, и почему-то я знаю наверняка, что находились люди, которые говорили ему: «Ты шел и бил наших ребят!» Этого не расскажешь, но это ведь было, это были трагические и трудные годы. А теперь дети слушают его, а потом начинают опять играть, и они не знают, что такое, когда в спину стреляет сама жизнь...

... Когда я учился, после войны, то по Ленинграду бродило много пленных. Они предлагали различные поделки в обмен на картошку, продукты. К нам приходил один немец, он приносил парусники из бересты. Один парусник, я помню, назывался «Лиза». А потом этот немец пришел без парусников. Говорит, пришел попрощаться, уезжаю на родину, до свидания.

... Вдруг я начал испытывать прямо зависть к мужеству Фрица. Все, что он рассказал о себе: «Было трудно». Он мог сказать, да, многие нас не понимали, было такое время. И все. И все.

Я приехал на праздник интердома, и ко мне бросились Драгомира, и Свобода, и Фриц... А потом Фриц выступал перед детьми. А те, кого я не снимал, спрашивали Фрица: «Это кто, наш тоже?» И я позавидовал этим людям, чья жизнь — хорошая модель для любой жизни. А потом я вдруг узнал, что наши любимые песни — одни и те же...

Фриц ШТРАУБЕ.

— ... Отец так, значит, сказал ей: «Мамаша, я тебе привез человека, который расскажет о нашем сыне». Она посмотрела на меня. А у меня за пальто, за гражданским, была еще советская форма, она говорит, это же русский, это советский офицер, а он говорит: ты вглядись в него, вглядись, она говорит: ну да, ну и что. Отец говорит: «Вглядись!» Она говорит: «ФРИЦЕК».

ВИКТОР
ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Джоан ХАРА

Все, что я пишу о годах Народного единства, может показаться субъективным, скажут, что я лично пристрастна, но это правда Виктора и моя правда. А правда — это то, за что надо бороться, этому научил нас горький опыт прошедших лет...

Огромная экономическая сила оппозиции позволяла ей главенствовать в средствах массовой информации, хотя и в этой области у Народного единства были некоторые завоевания: появилась своя радиостанция у Единого профцентра, был назначен новый директор Национальной телепрограммы. Но все же бразды правления в основном держала оппозиция, и она использовала свою силу без всякого стеснения. Невозможно даже представить, как правая пресса искажала факты, как она лгала, какие сеяла слухи. Одна газета (по-моему, это была «Трибуна») опубликовала на первой полосе материал о том, что в стране исчезла зубная паста. В тот момент пасты в магазинах было вполне достаточно, но читатели, особенно те, кто был побогаче, тут же ринулись делать запасы; и конечно, как газета и предсказывала, паста исчезла. То же самое случилось с сигаретами, стиральными порошками, растворимым кофе. Тайные склады, спекуляция, черный рынок — все это создавало искусственные трудности, которые потом становились реальными.

Страна стояла на пороге уличных схваток, начался разгул терроризма, который сопровождался хорошо оркестрованной кампанией по созданию хаоса и атмосферы ненависти. В Чили не было законов против клеветы. Человека можно было оболгать вполне безнаказанно, и правая пресса избрала мишенью подобных нападок деятелей левого движения, доставалось и Виктору. Свобода печати очень важный принцип, но, как сказал Альенде, «свобода печати, а не патент на клевету». И даже в этой ситуации он не хотел ограничивать свободу слова, лишь в паре случаев были приняты меры: так, на один или на два дня была закрыта радиостанция, призывавшая к гражданской войне и подстрекавшая армию к мятежу.

И хотя во времена правительства Альенде свобода слова не была ограничена, правая пресса вела яростную международную кампанию: ее будто бы подвергают репрессиям, свобода слова будто под угрозой! Во время поездок за границу Виктор сам убеждался в том, как международные телеграфные агентства искажали представление о Чили.

При таких обстоятельствах артисты, участвовавшие в движении Новой чилийской песни, призваны были взять на себя роль представителей правительства за рубежом, роль «культурных посланников», разоблачать клевету на Народное единство. Ради этого «Килапаюн» и Изабель Парра выступали в Европе, ради этого в ноябре 1971 года Виктор отправился в длительное концертное турне по Латинской Америке. Он пел и каждую свою песню предварял рассказом о Чили.

В одном из писем он рассказывал мне о самом, как он считал, трогательном эпизоде этого турне. Это случилось в Коста-Рике. На маленьком самолетике он добрался из Сан-Хосе до побережья, где выступал перед рабочими банановой плантации, принадлежавшей «Юнайтед фрут компани». На сцене, сколоченной перед зданием администрации компании — для Виктора это здание было символом эксплуатации,— Виктор пел для чернокожих рабочих, и они встречали его песни с таким энтузиазмом, что в конце концерта влезли на сцену и стали петь вместе с ним, а потом подхватили его на руки, и толпа скандировала: «Вива Чили! Вива ла Унидад Популар!»

Виктор вернулся домой накануне рождества, ужасно усталый, но счастливый. Он почувствовал, что этот опыт и приобретенные им друзья сделали его сильнее, духовно богаче. Это и был политический и артистический успех, и успех этот открыл двери для других чилийских групп и певцов. Движение Новой чилийской песни захватило весь континент, смешиваясь с подобными движениями в каждой стране.

Тогда же Патрисио и Виктор начали работать над новым балетом. В основе либретто лежала легенда, бытовавшая у многих народов, в том числе и в чилийской мифологии, о молодом крестьянине, который должен был пройти семь испытаний, для того чтобы спасти героиню — красавицу, принцессу или кого-то в этом роде, которую держало на дне источника ужасное чудище.

Патрисио хотел использовать эту легенду как символ освободительной борьбы народа Чили: действие семи сцен проходило в шахтах, в городах, в полях, в пустыне и так далее. Он попросил Виктора написать музыку к балету, но Виктор понимал, что самому ему с такой задачей не справиться, он написал несколько тем и обратился к композитору Селсо Гарридо Лекка, который развил и аранжировал их в сложную музыкальную ткань.

Почти вопреки своему желанию Виктор все более и более погружался в эту новую для себя область — композиторское творчество. Он очень сожалел о своей музыкальной неграмотности, но, с другой стороны, чувствовал, что не может учиться обычным образом, потому что в таком случае утратит музыкальный инстинкт и, наверное, не сможет сочинять совсем. И конечно, он боялся утерять свое народное первородство. Поэтому он был счастлив сотрудничать с Селсо, у которого он мог учиться чисто практически.

Балет «Семь сцен» требовал участия множества людей: Виктор был и композитором и исполнителем, «Инти-Иллимани» также исполняли свою партию, участвовал симфонический оркестр и, конечно, труппа Национального балета. Эта постановка должна была стать лучшей работой Патрисио. Премьеру назначили на октябрь 1973 года.

«Где подгорает картошка»

Оппозиция уже оправилась от поражения, нанесенного ей на выборах. Она решила использовать ту же тактику, которая применялась в Бразилии в 1964 году, во время подготовки к свержению президента Гуларта: мобилизовать на антиправительственные марши женщин из аристократических и буржуазных семей.

Первое такое выступление состоялось, когда в стране был Фидель Кастро, и, как и в Бразилии, оно получило название «марша кастрюль». Дабы символизировать голод, до которого их якобы довело социалистическое правительство, дамы несли в руках пустые кастрюли и колотили

Продолжение. Начало см. в № 3—9 за 1984 год.

по ним деревянными ложками. Бездельницы из «баррио альто», ленивые, избалованные, проводящие дни за коктейлями и игрой в канасту, наконец-то нашли чем заняться. В нашем квартале женщины тоже готовились. Они бегали от дома к дому, собирались на перекрестках, обзванивали по телефону соседок. По беспроволочному телеграфу слуг и детей я узнала, что хозяйки обещали горничным деньги, если они тоже пойдут на демонстрацию. Ходили слухи, что специально для этого случая были закуплены новые кастрюли.

На митинги и демонстрации Народного единства народ добирался как мог: пешком, в переполненных автобусах или в повозках; в день «марша кастрюль» центр города был забит сверкающими лимузинами. Эти хорошо одетые, хорошо кормленные дамочки, в холодильниках у которых полно было продуктов «про запас», впервые в жизни держали в своих наманикюренных пальчиках кастрюли: вполне естественно, они боялись лишиться своих удобств и привилегий. А каково было смотреть на них женщинам, которые знали, что такое настоящий голод?

Биоритм Виктора или, по крайней мере, его распорядок дня хронически не совпадал с моим. Я принадлежу к тем ужасным особам, которые вскакивают на рассвете, свежие и готовые ко всему. Виктор, напротив, до обеда ходил полусонный. Так что ссорились мы обычно по утрам, и выглядело это примерно так:

Я. (Встала часа два назад и уже отвезла Мануэлу в школу... Очень тактично.) Папочка, я уезжаю через десять минут. (Что не совсем правда. Зная, что за этим последует, я всегда привирала.) Ты едешь со мной?

Виктор. (Только что спустился вниз, завтракает, уставился в газету.) Угу!

Я. (Прошло восемь минут. Он сидит неподвижно, я начинаю закипать.) Виктор! Я должна ехать сию минуту! А то опоздаю на занятия!

Виктор. (Вроде начинает понимать, что я говорю.) А-а-а... Подожди, мамита... Я сейчас.

Я. Хорошо, только побыстрей! Я пошла заводить машину. (На это всегда требовалось много времени.)

(Вижу спину Виктора, обтянутую зеленым махровым халатом, он поднимается наверх. Слышу, как он входит в ванную... Плеск воды... Пение...)

Я. (Прошло десять минут, мотор рычит, я рычу в окошко ванной.) Виктор! Я уезжаю сейчас же! Ты знаешь, я не могу опаздывать! Бога ради, поскорее!!

Остальное легко представить. Окончание скандала варьировалось в зависимости от настроения Виктора. И от того, действительно ли я опаздывала на работу.

Порой Виктор спускался злой и молчаливый, садился за руль, и вся его ярость уходила в машину. Я сидела рядом и чувствовала себя очень виноватой. Он высаживал меня у факультета и, не попрощавшись, уезжал по своим делам. Порой из ванной слышался яростный рев: я могу катиться ко всем чертям! Это бывало редко, но иногда я действительно уезжала. Однажды я врезалась в стоявшее посреди двора дерево, в другой раз чуть не увезла на себе навес...

На снимках: «Все чаще и чаще слышался лозунг «Когда народ един, он непобедим». Позже этот лозунг превратился в песню...»

Но что бы ни случалось по утрам, в середине дня Виктор либо появлялся у меня в Балетной школе, и, выходя, я видела его улыбавшуюся физиономию, либо звонил по телефону и спрашивал, как дела. Так что мы никогда надолго не ссорились, да и поводы для ссор были чаще всего совершенно пустяковыми.

К сожалению, в конце дня я бывала такой же сонной, как Виктор по утрам. Он же был полон жизни, пел и разговаривал до двух часов ночи, а я почти что в бессознательном состоянии все боялась упасть и уснуть на месте.

Но даже если я никуда не шла с ним вечером, оставалась дома и лежала в постели, я не могла заснуть, пока не услышу во дворе шум его машины. Я слышала, как он шел в кухню, лез в холодильник, как поднимался потом по

лестнице. Он шел на цыпочках, думая, что я сплю, но, стоило мне пошевельнуться, он начинал рассказывать о том, что произошло за день, о выступлении или митинге, городских новостях и сплетнях. Нам никогда не хватало времени на разговоры. Виктор вечно спешил с одной встречи на другую, и если я хотела поговорить с ним, мне приходилось ждать своей очереди среди целой толпы: у всех были к нему какие-то дела. В доме у нас всегда было полно народу самого разного возраста. Чилийские дети, кажется, созданы для того, чтобы жить либо на улице, либо в домах своих приятелей, и они кочевали из дома в дом, словно жужжащий пчелиный рой; группки распадались, трансформировались, потому что на отношения между детьми влияли политические пристрастия их родителей. И у Мануэлы и у Аманды была своя собственная компания.

Теперь, когда мы выстроили в саду студию, в ней постоянно шли репетиции музыкантов или танцоров. Всех надо было напоить кофе или чаем, после работы все ели онсес, что буквально переводится на английский как «легкая закуска», но с этим понятием, а также с понятием «послеобеденного чая» онсес имели мало общего. После обеда у чилийцев принято еще подзакусить, так что приходилось подавать огромные кружки молока, в которые добавлялся крепчайший чай, булочки, если их испекли пару часов назад, следовало поджарить. Булочки мазали маслом, к ним подавался сыр, пюре из авокадо или айвовый джем.

Если Виктор накануне ездил на рынок, ко всему этому добавлялись еще сочные ломти свинины с перцем и чесноком. Главной домашней обязанностью Виктора были еженедельные, обычно он делал это по утрам в субботу, поездки на овощной рынок. Он чувствовал себя там как дома: здесь многое напоминало детство, когда ему приходилось помогать матери в ресторанчике на Западном рынке. Он возвращался домой, нагруженный своими любимыми продуктами: поротос гранадос — молодой фасолью (которую надо было готовить на чилийский манер: с кукурузой, тыквой и листочками базилика), козьим сыром, огромными помидорами (из них делали салат с луком), корвиной (рыба с нежным мясом), в зависимости от времени года — чудесные фрукты, которые так дешевы в Чили: дыни, виноград, все сорта персиков и абрикосов, черешни величиной с голубиное яйцо, огромные яблоки...

Виктор любил поесть, хотя зачастую за весь день не успевал перехватить ни крошки; он любил танцевать и старался держаться в форме, иногда посещал балетный класс и смешил нас до упаду своими импровизациями; он любил делать подарки и возвращался из всех поездок с набитыми чемоданами (у меня до сих пор есть вышитое платье, которое он привез из Мехико, великолепное пончо из Перу, изящная бисерная безделушка из Парагвая). Он любил плавать, есть на берегу моря моллюсков, в жаркие летние дни обливать в саду из шланга всю семью, любил плясать куэку, любил, когда в доме были гости, любил разводить костры и жарить орехи... Он любил все, что любит большинство людей. Он не был помешан на работе, хотя работал невероятно много. И его энтузиазм был заразительным, так же как его смех и его улыбка.

Мануэла всегда хорошо относилась к Виктору, и с годами их отношения становились все лучше. Он был для нее и отцом и другом. Он приходил к ней в комнату, когда она делала домашние уроки или слушала музыку, садился на кровать и начинал с ней сплетничать. Они обсуждали последние «хиты» — Виктор был поклонником «Битлз»,— ее школьные дела, говорили они и о ее лени и всяких других неприятных вещах, если были к тому поводы. Его появления в школе — иногда забирать Мануэлу приходилось Виктору — производили настоящую сенсацию, поскольку только самые близкие друзья Мануэлы знали, что он ее отчим.

Одним из самых важных семейных событий в годы Народного единства была наша поездка на Кубу. В начале 1972 года Виктора пригласили в турне по всей стране, а меня — дать уроки в школе современного балета. С типичной кубинской щедростью в число приглашенных были включены и дети.

На Кубе было прекрасно. Потрясали новые школы и ясли; новые дома, светлые и привлекательные, опоясывали галереи, уставленные тропическими растениями. Потрясало и то, с каким энтузиазмом балетные танцоры, учителя, актеры, все, кого бы мы ни встретили, относились к своим ежегодным поездкам на сбор сахарного тростника или к военной службе: вооруженные силы были всегда наготове, чтобы не допустить повторения интервенции в Заливе Свиней.

И все же, несмотря на обилие новых впечатлений, наши мысли все время возвращались к Чили: мы хотели как можно скорее попасть туда, «где подгорает картошка».

Хотя мы уезжали всего на несколько недель, вернувшись, сразу ощутили серьезные перемены в политическом климате: оппозиции удалось сплотиться. Для нас, в частности, дурной новостью было и то, что в университете состоялись выборы нового ректора и других административных лиц и выборы эти продемонстрировали крен вправо: ректором был избран христианский демократ Эдгаро Боэнингер.

Чилийский университет был настолько важным национальным учреждением, что эти выборы имели большое политическое значение: пресса, радио и телевидение освещали предвыборные дебаты столь же подробно, как и парламентские выборы. К счастью, наш факультет продемонстрировал верность Народному единству, но все же результат в целом был ударом для правительства.

Многие, я не знаю, насколько справедливо, винили в таком исходе выборов деятельность ультралевых группировок. Они были немногочисленны, но очень активны и с одинаковым рвением нападали как на Народное единство, так и на представителей правых.

В мае 1972 года Виктор попал в довольно неприятную ситуацию. Дело было в университетском городе Консепсьоне: именно здесь была сформирована в свое время ультралевая партия МИР, и здесь она пользовалась большим влиянием.

Мировцы заявили, что программа Народного единства не соответствует требованиям времени, и им удалось склонить на свою сторону местные отделения некоторых партий, в частности социалистов и МАПУ. Они призывали к созданию «народных ассамблей», которые заменили бы соответствующую конституции структуру правительства, и объявили город Консепсьон «Територио либре де Америка» — «свободной зоной». А еще они требовали запретить демонстрацию, созванную городским отделением христианско-демократической партии, что, несомненно, дало бы повод фашистам из «Патриа и либертад» спровоцировать беспорядки и хаос. А на насилие они угрожали ответить насилием.

Ситуация была сложной, и призыв Виктора к поддержке правительства навлек на его голову гнев ультралевых. Как бы он ни симпатизировал нетерпимости, которую проявляли студенты по отношению к насилию, царившему на улицах во время вылазок оппозиции, Виктор ясно представлял себе — и он открыто сказал об этом,— что конфронтации, которой так жаждет «Патриа и либертад», надо всеми силами стремиться избежать. Более того, любые действия, направленные на раскол Народного единства, могли иметь фатальные последствия.

Первый подобный эпизод произошел почти год назад, в июне 1971-го, когда шли переговоры между Народным единством и лидерами христианских демократов с целью достижения чего-то вроде перемирия. И в этот момент новая левацкая раскольничья группировка, назвавшая себя «Вангурдиа организада дель пуэбло», или ВОП, устроила покушение на жизнь Эдмундо Переса Зуковича, министра внутренних дел в правительстве Фрея. Эта акция положила конец переговорам и воздвигла непреодолимый барьер между Народным единством и христианскими демократами. Многие предполагали, что ВОП была создана по инициативе и на средства ЦРУ.

После событий в Консепсьоне МИР совершила еще одну провокацию. В пригороде Ло-Эрмида полиция устроила облаву на уголовных преступников, но жители, подстрекаемые МИР, организовали вооруженное сопротивление, и когда Альенде лично прибыл на место событий, чтобы уговорить людей не препятствовать деятельности полиции, они буквально не впустили его в квартал. (После переворота

1973 года один из активных участников этого инцидента, называвший себя «Команданте Рауль», быстренько сменил политическую окраску и стал одним из главных палачей ДИНА, секретной полиции хунты.)

Это было плохое время. Мало того, что оппозиция без конца плела заговоры, внутри самого правительства тоже возникли конфликты. Казалось, только среди участников частых и массовых маршей, целью которых было вымести фашистов с улиц Сантьяго, и царил прежний дух единства. В тот момент, когда люди шли бок о бок, взявшись за руки, они забывали о своих разногласиях. И все чаще и чаще слышался лозунг «Эль пуэбло унидо хамас сера венсидо!» — «Когда народ един, он непобедим!». Позже этот лозунг превратился в песню, которую написал Серхио Ортега и исполнил «Килапаюн» [1], но впервые он прозвучал в 1972 году на улицах Сантьяго как предупреждение об опасности и призыв к стойкости.

В августе и сентябре насилие, которое чинили на улицах правые банды, возросло. Годовщина избрания Альенде была отмечена огромным маршем, организованным Народным единством. А за несколько дней до этого авенида Провиденсиа была наполнена дымом и слезоточивым газом, потому что фашисты из «Патриа и либертад» перевернули троллейбусы и подожгли шины. Авенида Провиденсиа была их вотчиной, и лидеры «Патриа и либертад» часто собирались в ресторане «Мюнхен», в самом ее центре.

Самой важной и популярной мерой, предпринятой правительством Народного единства, стала объявленная в июле 1971 года национализация медных рудников. Была создана комиссия, которая определила сумму компенсации трем американским корпорациям — «Анаконда», «Церро» и «Кеннекотт»,— владевшим рудниками. И хотя решение было вполне справедливым, в штаб-квартирах этих корпораций, расположенных в Нью-Йорке и других финансовых столицах мира, забили тревогу. Если Чили будет настаивать на своем суверенитете и бороться с грабежом природных ресурсов, каким это будет примером для других развивающихся стран. Корпорации начали всерьез готовить планы реванша и поддержали программу дестабилизации, уже разработанную ЦРУ и концерном ИТТ.

В октябре 1972 года по требованию компании «Кеннекотт» было наложено международное эмбарго на чилийскую медь, а в Чили началась забастовка владельцев грузовиков: считалось, что они протестовали против угрозы национализации и нехватки запасных частей и шин, но на самом деле они действовали в соответствии с четко разработанным планом, по которому следовало привести страну к разрухе и побудить к свержению правительства Альенде.

Из-за своеобразного географического положения Чили хаос создать легко: достаточно лишь заблокировать движение на магистрали, связывающей страну с севера на юг. Забастовка была организована профессионально. Грузовики скапливались на возвышенностях у дороги, там разбивали лагеря. Это было пугающее зрелище: огромные грузовики и охранявшие их вооруженные люди. Полиция не могла разогнать лагеря или реквизировать грузовики без того, чтобы не вступить в стычку с владельцами. С высот забастовщики контролировали всю трассу. Вооруженные банды нападали на каждый не присоединившийся к забастовке грузовик, раскидывали мигуэлитос — приспособления, которые рвали покрышки в клочья.

Поскольку бензовозы бездействовали, бензин превратился в жидкое золото, и, для того чтобы заправиться, надо было часами ждать своей очереди у колонок, люди боялись потерять и каплю. Исчез парафин, товары первой необходимости: мука, молоко, рис, картофель, сахар, не говоря уже о мясе и яйцах, а владельцы молочных ферм выливали молоко в канавы, чтобы усилить кризис.

Срочно были приняты необходимые меры. Те владельцы грузовиков, которые поддерживали правительство, создали свою организацию, МОПАРЕ, и пытались помочь решить хоть некоторые проблемы. Старые, подержанные грузовички собирались в караваны; владельцы их знали, что, несмотря на полицейский эскорт, они рискуют жизнью. И действительно, на дорогах их поджидали банды забастовщиков, они портили шины, бросали камни в ветровые стекла, и многие водители были ранены.

Рабочие, студенты, учителя, артисты и представители многих других профессий объединились, чтобы противостоять забастовке. В этой работе принимал участие и наш факультет. Нашей задачей была погрузка и разгрузка поездов на Центральном вокзале. Я помню, как Виктор с Куэной координировали работу... В таком-то побласьоне совсем нет парафина, необходим грузовик... Надо разгрузить четыреста мешков муки... Молоко отправить в такой-то квартал и так далее.

Виктор не просто сидел на телефоне или подбадривал работавших песнями. Я помню, как он стоял на груде мешков с мукой, перекидывал их один за другим, и по длинной цепи людей — актеров и танцовщиков — они попадали в вагон. Это была трудная работа, но я помню, как Виктор улыбался и шутил — это помогало людям. Из-за своей больной спины я могла таскать только небольшие ящики с макаронами, но даже такая работа доводила меня до изнеможения. Но мы знали, что делаем нужное дело, и дух наш был крепок, потому что мы знали — по всей стране тысячи и тысячи людей делают то же самое.

И все же забастовка начала оказывать свой зловещий эффект на экономику страны. Весенний сев задержался, потому что семена не прибыли вовремя, фабрики сократили выпуск продукции, потому что не поступало нужное сырье. К забастовке присоединились и другие частные предприниматели: владельцы магазинов, автобусов, ассоциация медиков и другие профессиональные группировки. В ответ врачи, поддерживавшие Народное единство, организовали свой «патриотический фронт», работали в две смены, чтобы заменить бастовавших коллег; владельцы магазинов, рискуя тем, что витрины их будут разбиты, держали двери открытыми.

Общественные организации, которым правительство дало право контролировать черный рынок и подпольные склады продукции, назывались «Хунтас де Абастесименто и Пресиос», или ХАП. В кварталах бедноты, побласьонах, ХАП успешно работали уже несколько месяцев, но жительницы нашего квартала отнеслись к этой идее всерьез только во время забастовки. Многие наши соседи не только могли себе позволить покупать продукты по ценам черного рынка, но сознательно бойкотировали каждое начинание правительства. И с теми соседками, которые поддерживали Народное единство, мы обсуждали способы доставки продуктов из центрального склада почти тайком. В нашем квартале сотрудничал с нами один только рыжий Альберто, из его крошечного магазинчика мы распределяли двухнедельные пайки. Получали эти продукты только те семьи, которые зарегистрировались в ХАП. Но все, кто получал через ХАП продукты, считались сторонниками Народного единства и попадали в черный список, который вела «Хунта де Весинос», местная организация, основанная и полностью контролируемая христианскими демократами. Время шло, подобные организации начали все теснее сотрудничать с местными бандами «Патриа и либертад», а таких банд в нашем квартале было предостаточно.

Бывали такие дни, когда казалось, что вот все и кончилось: магазины закрыты, транспорт не ходит, на улицах хозяйничают банды, но добровольцы продолжали работу. И произошло событие, благодаря которому забастовка, несмотря на огромные суммы долларов, которыми финансировали ее из-за рубежа, потерпела позорное поражение: главнокомандующий вооруженных сил генерал Карлос Пратс принял назначение на пост министра внутренних дел. Это гарантировало порядок и мир до следующих парламентских выборов, которые должны были состояться в марте 1973 года. Народное единство и широкие народные массы одержали моральную победу.

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского Н. РУДНИЦКОЙ

[1] *Песня опубликована в «Ровеснике» № 11 за 1974 год.— Примеч. ред.*

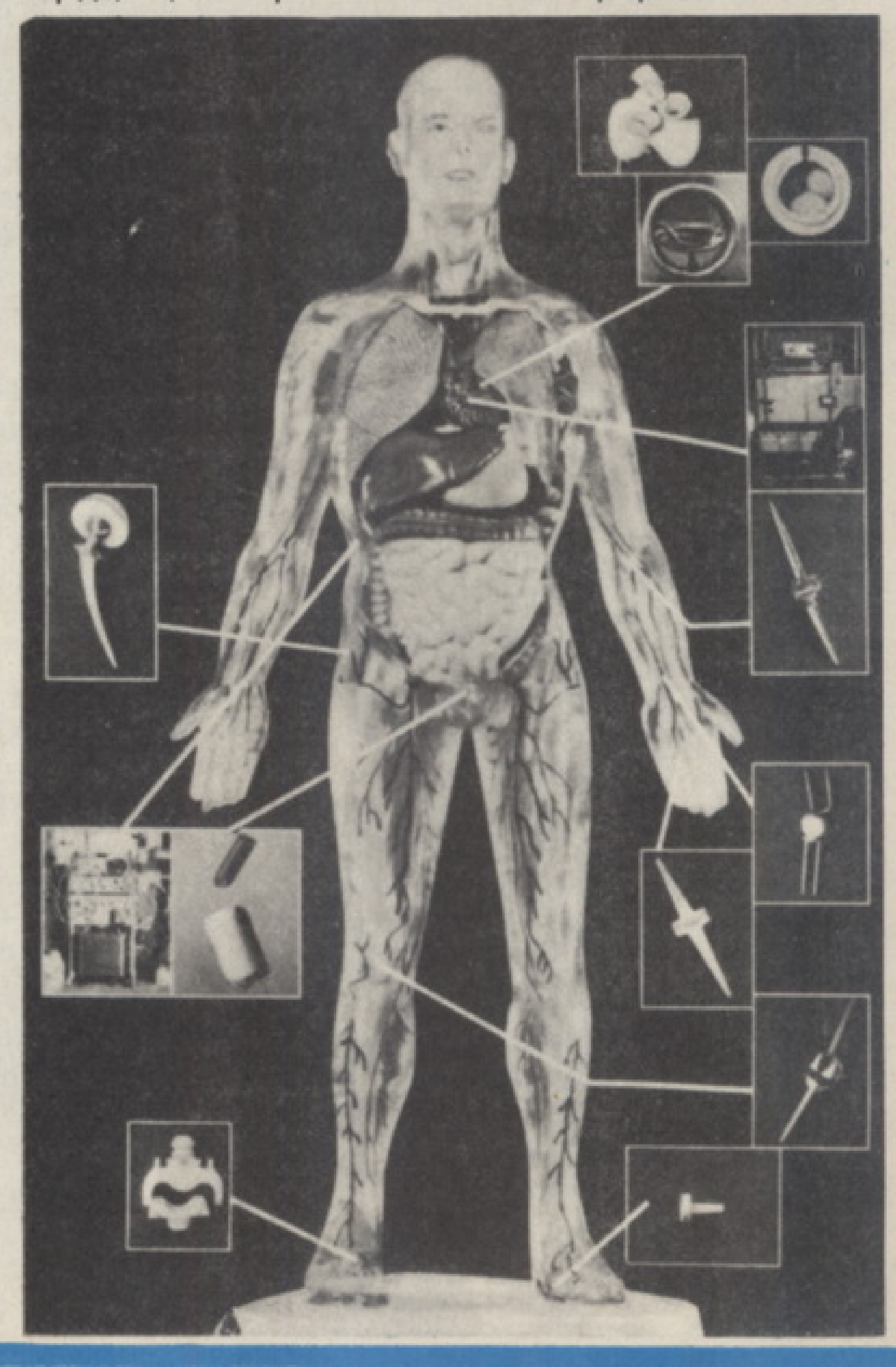
ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА пришли в Британию: на английской земле американские военные базы и ядерные ракеты, закрываются шахты и школы, шагают по улицам марши безработных, прочно угнездилась в домах бедность. Тяжелые времена пришли для правительства консерваторов: Англия протестует против американских баз и ядерных ракет, против закрытия школ и шахт, против безработицы и бедности. И решили тогда леди и джентльмены из правительства... убрать из парков и садов Британии игрушечных румяных гномов. Чем же провинились эти герои сказок перед леди и джентльменами? Ведь не они пикетируют ракетную базу ВВС США в Гринэм-Коммон (снимок слева) и не они устроили стачку горняков и общенациональную забастовку докеров. А виноваты они в том, что вселяют надежду: десятки лет живут румяные бородачи в листьях кустов и деревьев, не одно правительство сменилось на их глазах, а гномы как были, так и есть примета счастья для заметившего их прохожего. И видимо, зависть обуяла леди и джентльменов. Вот и пришлось гномам выйти на демонстрацию в защиту оптимизма.

КОНЦЕРТЫ В ПРАГЕ. «Красота и радость в танце, темперамент, вдохновение, полет, высочайшее мастерство — так можно было бы с телеграфной краткостью оценить выступления Государственного танцевального ансамбля Кабардино-Балкарской АССР «Кабардинка», который уже во второй раз за свою историю был на гастролях у нас, в Чехословакии,— пишет журнал «Свет в образех».— И продолжает:—По приподнятому настроению прекрасных мастеров народного танца, их счастливым улыбкам мы поняли, что они чувствуют себя в Праге и других городах нашей республики, где они побывали, как дома. Между сценой и зрительным залом с первых же мгновений концерта возникала атмосфера дружбы, гармонии, взаимопонимания. Советские артисты привезли нам радость и красоту».

«ТОЛЬКО В СЕМЬЕ я чувствую себя счастливым»,— говорит один из лучших футболистов Европы Мишель Платини. Фотограф и запечатлел его в такой блаженный момент. Мишеля-старшего и Лорана-младшего объединяют не только родственные узы: они оба учат английский, и успехи младшего не вызывают зависти у старшего; они оба играют в футбол, и успехи старшего приводят в восторг младшего; они оба любят свою малышку — дочь и сестру; и отказаться от мороженого оба могут разве лишь в пользу прогулки на карусели. Но Лоран никогда не будет зарабатывать на жизнь футболом — так решил отец, и сын с ним пока не спорит.

ИНЖЕНЕРЫ ИЛИ ПРИРОДА! Врач берет пациента за руку, чтобы проверить пульс,— пульса нет. Врач хватает стетоскоп, чтобы послушать сердце,— слышит только жужжание. Он щупает пациенту живот и понимает, что там полным-полно ящичков... И тогда он отсылает пациента к инженерам по электронной технике. Что это? Научно-фантастический роман? Нет, близкая реальность. Так утверждали ученые на прошедшем в Болонье десятом конгрессе Европейского общества по исследованию и использованию искусственных органов. Уже сейчас ежегодно в мире вживляется более одного миллиона таких органов. Правда, пессимисты говорят, что не все пойдет так быстро, как хочется, что пока только искусственные линзы и почки используются широко и успешно... И все же вполне может случиться так, что на Олимпийских играх 2000 года вдруг будет дисквалифицирован победитель в марафоне из-за того, что бежал с искусственным сердцем, которое выносливее природного...

НЕ ПОДЕЛИЛИ. Белый автомобиль легко, подобно стреле, несется по песку пустыни. В небе коршуном зависает вертолет, боевые ракеты нацелены на беззащитную машину, но она всякий раз успевает резко уйти в сторону за секунду до взрыва. В конце концов автомобиль летит в пропасть, но раскрывшийся парашют позволяет ему приземлиться на четыре колеса. Таков сюжет двухминутного ролика, рекламирующего автомобиль компании «Пежо». «В каком беспомощном виде вы выставляете нас в вашем ролике? — возмутилась фирма, выпускающая вертолеты.— Кто же после этого за рубежом будет покупать наши боевые машины? Психологические последствия такой рекламы катастрофичны: зрители могут подумать, что ракеты вообще не нужны». Баталия «боевые вертолеты» против «легковых машин» продолжается — баталия толстосумов за прибыли любой ценой.

НАСЛЕДНИКИ ЛИЛИПУТОВ. Помните, как враждовали два государства лилипутов, какие войны вели? А все из-за чего? С какого конца разбивать яйцо всмятку — с острого или тупого? И чем все кончилось? Гулливер увел флот противника, намотав на пальцы ниточки от кораблей, и тем прекратил войну, хотя бы на время, отдав победу одной из сторон. А кто остановит войну «Пепси-колы» против «Кока-колы»? Взялся было за это Гулливер шоу-бизнеса Майкл Джексон. Для него переделали довольно старую песню «Билли Джан», и зазвучало над Америкой от Тихого до Атлантического океана «Двигай вперед «Пепси-колу», это значит — ты молод, и ничего другого делать не надо!» Но у шоу-бизнеса не один Гулливер. Конкуренты «нашли» Хулио Иглесиаса. И снова зазвучало: «Ты солидный человек и двигаешь вперед «Кока-колу», и ничего другого делать не надо!» Кто же настоящий Гулливер?

АТОМНЫЙ ГРИБ НА СТОЛЕ. «А задумывались ли вы о позитивных последствиях ядерной войны? Нет? Больше оптимизма, друзья! Ведь то, что сегодня отравляет нам жизнь,— безработица, инфляция, налоги, стресс,— все исчезнет! Вы боитесь, что не выживете в третьей мировой? Что за пустяки! В этом вам поможет наша книга!» Так, пародируя бодряческий стиль практического руководства «Как выжить в предстоящей войне», выпущенной американской администрацией совместно с Пентагоном, начинает свою брошюру «Как правильно встретить мистера Бомбу» сатирик из США Тони Хендра. В ядерной катастрофе нет ничего страшного, твердят американские политики, просто надо привыкнуть к этой мысли. И стараются, чтобы привыкли: уже играют американские дети, еще не научившись читать, в ядерную войну, только бомбы пока из картона. А на снимке вы видите тот же гриб из взбитых сливок. Не правда ли, не страшно?

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНАЯ Мирей Матье среди своих семи братьев и шести сестер. Это первый такой снимок за последние двадцать лет. «Двадцать лет наша Мими не была дома»,— говорят счастливые родственники. Ну и, конечно, концерт в родном Авиньоне стал триумфом. Как же сама Мирей оценивает свой успех? «Чем больше пою, тем больше трушу, уже за три-четыре часа до концерта паникую как девчонка». И снова в путь. На этот раз — Мексика: съемки в новом фильме.

Первый концерт на маленькой эстраде в центре Боготы. У кирпичной стены маленькая эстрада, между двух улиц. Как на нее залезть? Приносят лестницу-стремянку. Все странно и необычно для музыкантов в это утро: стремянка, стена и сам утренний рекламный концерт. В подпоясанных белых рубашках четверо один за другим лезут вверх.

Снизу подают Корнетову его огромный треугольный контрабас, у Горбачева в руках балалайка, у Ионченкова домра, Коновалов растягивает висящий на груди баян...— квартет русских народных инструментов начинает турне по Колумбии.

С высоты, как с палубы корабля, они оглядывают площадь, две улицы, стоящих с закинутыми головами людей. Как трудны эти секунды перед началом! Начать — черту переступить: как прозвучат в этом жарком шумном воздухе инструменты, как прозвучит русская народная музыка под новым небом? Мысли разбегаются как маленькие вспугнутые зверьки: Коновалов зачем-то высчитывает, сколько сейчас времени в Москве, Ионченков опасливо смотрит на ноты, не сдул бы их ветерок... Только Корнетов улыбается, но он улыбается всегда. Пора начинать. Первые такты «Коробейников» уже дрожат на струнах, сейчас поплывут с клавишей баяна, сейчас полетят над утренней Боготой.

В шуме улиц, в шипенье шин, в гудках клаксонов звучит мелодия, в которой одиночество, и веселье, и вкус тоски, и лихой отчаянный размах. С волнением ведут музыканты мелодию, играя, они беспокоятся за нее, как родители за ребенка, вступающего в жизнь. А народ внизу, на площади, все прибывает, к середине песни уже человек сто вслушиваются в музыку, которая звучит так ново и удивительно для колумбийцев, ведь они привыкли к музыке с другим вкусом. В их народных мелодиях иной жар и густота... Подходят и подходят, узнать, в чем дело,— и остаются. Останавливаются рейсовые автобусы, водитель и пассажиры по обоюдному согласию прерывают поездку и тоже идут послушать. Ибо музыка для колумбийца — одно из величайших наслаждений, и вот они уже пританцовывают, прихлопывают там, внизу, на площади между двух шумных улиц, и лица их озарены улыбками, люди рады этой внезапно нашедшей их музыке как подарку, рады концерту как празднику. И летят «Коробейники» над цветными крышами, кольцом обегает мелодия площадь, вместе с рокотом сотен машин и оглушительным птичьим пеньем становится частью утра в трехмиллионной Боготе...

Второй концерт

Концерт в парке Эль Селитра. Собралось двадцать тысяч человек, они стоят, сидят на траве, на раскладных стульях под деревьями. А музыканты растеряны: ведь мы не «Битлз» и не АББА (говорят они между собой), мы же камерный ансамбль, электрические усилители и микрофоны не отнимут ли у инструментов естественности звучания, как же нам играть перед такой большой аудиторией, хватит ли звука у балалайки, домры, баяна...

Четверо стоят, ждут, пока техники на сцене установят микрофоны. Но и это новое волнение, как будут звучать инструменты в микрофоны,— все для них в новинку, им привычнее и удобнее собрать вокруг себя кружок людей на деревенской улице, сесть на стульях, вынесенных из дома в тенек у забора, и играть по-домашнему, так они играли десятки раз в деревнях Подмосковья... Но вот микрофоны установлены, странно-мощно звучит балалайка, как в пропасть, гулко уходит звук домры.

С получасовым опозданием начинается концерт. Публика ждет терпеливо. И вот возникает в микрофонах звук, медленной плавной растяжкой идет вступление, музыканты сыграли те вещи, что прозвучат сегодня в парке, раз триста за шесть лет, что существует квартет, но не потеряли к ним вкуса, звук свеж и чист, в самом звуке как будто сохранена и спрятана, рассеяна по каждой нотке давно забытая горожанами спокойная гармония природы, что-то лесное, речное, наивно-незамысловатое и мудрое. И выражения их лиц говорят о том, что что-то милое и хорошее хотят они сказать людям.

Но и не без хитрецы, не без лукавства строят они свой концерт, сначала играют то, что имеет четкий танцеваль-

Четыре концерта и трубочки в подарок

А. ПОЛИКОВСКИЙ

На снимках: квартет русских народных инструментов на гастролях дома, в СССР, и в Колумбии.

ный ритм,— «Калинку», «Коробейников», ибо чувствуют, что подвижного и веселого колумбийца лучше всего увлечь этим. И «Калинка» звучит под новым небом, в новой для себя стране так лихо, такие резкие четкие интонации у этой музыки и такой напор чувства, что публика довольна, она слышит в старинной русской песне что-то свое, частичку своего темперамента чувствует она в мелодии, сложенной за тридевять земель (или за двенадцать тысяч километров) от Боготы. И все же это не тот красный жар, пылающий огонь, что разлит в латиноамериканских мелодиях; в «Калинке» вместе с яркой страстью есть и неяркий степной колорит, как будто один кто-то в этой песне веселится, несется, ликует, а другой стоит у заплаканного осеннего окна и глядит в беспредельную степь, в ее осень...

Музыканты знают, что зритель часто не воспринимает отдельно исполнителей и отдельно музыку,— когда хлопают музыкантам, то тем самым приветствуют и музыку, они чувствуют себя частью своей музыки, и так оно и есть, мягким теплым светом светится лицо Корнетова, когда он играет на своем контрабасе мелодию, в которой тоже сияет неяркий ласковый свет. И потихоньку они вводят зрителей в новый для них мир.

Что это за мир? Это мир русской народной музыки, это мир любви и печали, а также внезапных веселых дурачеств, на которые были ловки когда-то скоморохи. Подурачиться в музыке, посмеяться над честны́м народом и над собой, поиграть, пошуметь в удовольствие — все это есть в этом круглом ярком мире, мире лукавого лубка, за которым подчас прячется и из-за которого выглядывает глаз Истины, дух глубины... И, притопывая, прикрикивая, играют музыканты «Русские потешки», доски сцены дрожат от топа восьми разгоряченных мужских ног, люди в парке смеются, заразившись этим весельем, подбадривают квартет криками... А тут Ионченков, заложив маленькую палочку в рот, заливается лихим свистом, узкий свист Соловья-разбойника режет воздух над парком, но круглое лицо Ионченкова совсем не страшно, оно кругло, как доброта, как калач, как луна,— все это шутка...

Яркая и лоскутная, как тряпье скомороха, пестрая, как Жар-птица, грустная, как одиночество, эта музыка...

Неожиданный концерт

По вечерней Боготе, мимо светящихся витрин большого города, в потоке легковых машин похожий на неуклюжий, изнутри освещенный аквариум пробирается автобус с музыкантами к гостинице. В проходе между креслами стоят в потертых коричневых и черных футлярах инструменты. Вдруг остановка, Просперо, который и гид, и администратор, и распорядитель, а еще и большой поклонник балалайки (он в свободные минуты перед концертом или после берет балалайку, щиплет струны, пытается играть...), исчезает на секунду и появляется возбужденно-счастливый: «Тут парк, а в парке концерт, на открытой эстраде. Артисты и публика хотят вас послушать, вас приглашают сыграть две-три вещи...» — «Пошли!» Они прямо в автобусе переодеваются, берут инструменты и в своих бело-красных расшитых рубахах поднимаются на сцену под одобрительный шум. Играть они любят, им приятно сыграть, пообщаться с людьми. Эту радостную общительность публика сразу чувствует в них, видит, как много удовольствия находят они в своей музыке, и с улыбкой тоже ищет, вслушивается, что-то тут есть действительно такое завораживающе, милое, доброе, есть искренность и есть праздник в этих мелодиях. Правда, латиноамериканские праздники другие, но кто откажется узнать и полюбить праздник далекой страны, праздник этих четырех увлеченных и как будто бы немного стесняющихся своей увлеченности парней... Они играют «По-над Сунжею». Улыбаясь, сам довольный своей забавой, бьет тонкой палочкой по маленьким колокольчикам высокий, крупный Корнетов, смотря на него, и угрюмец начнет радоваться этому серебристому цокающему звуку, звуку подков по камешкам, по бережку реки. Едут казак и казачка, он подбоченился, хочет понравиться, цокают копыта, все шире расплывается улыбка на лице Корнетова... Мелодия нарастает, в ней напряжение, почти ощущаемое физически, вдруг — ах! — как нижнюю точку на санках

пролетели (но колумбийцы не катаются на санках...), замерло в душе, отлегло, и снова бегут лошадки, снова перебирают грациозными нервными ножками по бережку речки Сунжи, а вокруг уже густая кофейная ночь, ночь Колумбии, и меж деревьев в парке горят фонари, и чужие, незнакомые звезды крупны, как серебряные песо...

Запись

Это старейшая студия Колумбии «Сурамерикана». Узкий проход между домами, вход во дворик, неброский подъезд. Внутри — маленькая студия, и режиссер звукозаписи Нэльсон Родригес ждет, он уже готов.

Перед квартетом записывался колумбийский ансамбль симфонической музыки. Но музыканты ансамбля не уходят, стоят вдоль стен, сидят на стульях. Нэльсон Родригес разводит Горбачева, Корнетова, Ионченкова и Коновалова по кабинкам, где для каждого наушники. В наушники слышен общий звук, и это единственная связь, во всем остальном ты один, ты и инструмент, работай...

Но у них так не выходит. Не сговариваясь, они покидают кабинки — Горбачев, старательный Коновалов с баяном на груди, Корнетов с мягкой улыбкой и Ионченков, чей чуб в минуты игры падает до самого глаза, он забывает его отбрасывать... «Нам общаться надо и видеть друг друга». И это действительно так, это заложено в самой музыке, которую надо играть да слушать вместе, дружно, не стесняясь, и прервать игру шуткой, если мелодия шутлива... Мало тут просто профессионально и чисто отыграть свои партии, так выйдет грамотно, да не тепло, а чтобы вышло тепло и здорово, должны музыканты в музыке жить, общаться, радоваться. И они, играя, могут и шуточку отпустить в продолжение общения, которое было меж ними в музыке. Вот начинает Корнетов рассказывать, как однажды играл в оркестре, так перепутали, одни начали марш, другие «Вечерний звон». «Победил в конце концов «Вечерний звон»,— говорит он, и на его крупном лице широкая, ко всем добрая улыбка. А может между ними и быстрая ссора разыграться, после того как в музыке, в игре двое будут противоречить друг другу, настаивать на своем. И Горбачев бросит жестковато: «Ты чего по струнам как гвоздем...» — «А ты играешь отдаленные тональности, это русской музыке несвойственно...» — «Не учи!» — «Ага, не надо»,— скажет медленно Корнетов без злости или раздражения (этих чувств в нем не бывало — «не бывало» приходится говорить в прошедшем времени, ибо, когда писались эти строки, Александра Корнетова не стало), а просто так, чтобы силу свою показать, и через минуту уже забыл, опять улыбается большим своим ртом. И Горбачев тоже это как-то проскочил, смирил в себе. Но обмолвились, коротко схлестнулись — и торопятся в музыку, там им хорошо, там им удобно, там они как рыбы в воде и птицы в воздухе, живут с удовольствием жить. И в игре их есть игра, и труд их улыбчив.

Но перед профессионалами играть для них особенно ответственно. «Тут уже не только экзотика, не только общее настроение, тут в каждый звучок вслушиваются». И играют они все то же, что играли на концертах, и вот в «Саратовских переборах» пускается Горбачев во все тяжкие, заводит лихое соло, балалайка развивает ужасающую скорость, это заяц чешет по полю от толпы охотников, и весело, и страшно, и солнце в зените. Вприпрыжку несется косой, уши прижаты, струны на балалайке аж потрескивают, заяц на буграх подскакивает и вот унесся, исчез в лесу, и вот конец, и Горбачев, весь этим резким концом потрясенный, аж со стула сдвинулся, а руку как ударом тока от балалайки отбросило, а Корнетов костяшками пальцев ударил гулко по контрабасу, как точку поставил...

И музыканты ансамбля аплодируют, эти негромкие аплодисменты в студии не меньше стоят, чем тысячная овация в парке Эль Селитра,— это знак признания, признания равенства, равенства одной музыки и другой, да и не в этом дело: то, что делается с любовью, всегда самоценно, всегда на вершине...

Третий концерт

Молодежный театр в Боготе — помещение в четыре голых стены, нет ни занавеса, ни сцены, а только маленький квадрат площадки, и круто поднимаются вверх ряды.

Музыканты уже так привыкли к колумбийской публике, так уже вжились в шумно-дружелюбную атмосферу концертов, что перед выступлением есть в них радостная приподнятость, как перед свиданием, от которого ждешь многого. И они уже знают публику, знают, что колумбийцы «заводятся» с первых тактов (а сначала было странно, потому что дома-то у нас публика сначала все прослушает, затем только хлопает. Это в концертных залах, если на улице в деревне играть, все, конечно, иначе...), стараются подбодрить музыкантов, хлопая в такт и всем залом топая ногами. Тем самым и себе настроение создают. И вот квартет играет «Калинку», и все сорок почти отвесно поднимающихся рядов начинают бить ладошами в такт, они бьют так, будто у них ладони из фанеры, да еще акустика зала подобна акустике колодца. Ритм захватил зал — а ведь это молодежь, концерт в Молодежном театре,— и в этой их общей грохочущей реакции есть что-то, что музыканты готовы принять один раз на несколько секунд как некий пик эмоций. А сейчас они чувствуют, что ритм захватил публику и немного одурманил, но они не одним ритмом хотят увлечь людей, не в одних быстрых и ярких ритмах прелесть русской народной музыки, есть в ней и глубже лежащее, не столь броское, задумчивое, напевное, нежное... И тогда квартет — не сговариваясь, они чувствуют друг друга — идет против публики, с мягкой уверенностью взрослых людей, знающих, как надо, что надо детям, они сбивают ритм, усложняют ритм, уже не потопаешь в такт, уже не покричишь это. И публика затихает не сразу, но все же затихает, начинает слушать музыку, а не себя, из узкой ловушки ритма попадает на простор мелодии. И со дна колодца видят музыканты обращенные к ним со всех сторон сотни лиц — лица вслушиваются... А они и хотят научить их вслушиваться, они и хотят мягко провести их от лежащего на поверхности вглубь, в сердцевину своего мира, мира русской народной музыки. И чем ближе к сердцевине, тем больше оттенков надо тебе уметь слышать, тем больше полутонов замечать там, где раньше казался один цвет, и ты сумеешь услышать самую тайну этой музыки, сумеешь услышать и почувствовать что-то такое робкое, прозрачно-неуловимое, трогательное, как трогателен птенец, и, может быть, в самой глубине, в сердцевине, и живет этот птенец, который никогда не становится взрослой птицей для того, чтобы мы всегда помнили в себе жалость к малым... И нельзя этого объяснить, а можно только услышать. И гордость в сердцах музыкантов, когда они понимают, что играют в тишине, что послушный им зал вслушивается, всматривается в вязь, что сплетают четыре негромких инструмента, янтарная балалайка-скакунья, каплевидная твердая домра, басок контрабаса и тягуче поющий баян. Какую-то тихую нотку в душах всегда шумных молодых колумбийцев заставили они прозвучать.

Четвертый концерт

Это концерт на бетонированной площадке Канделяри-театра. За кулисами комнатка, как все комнатки за кулисами, заваленная рулонами афиш, сломанными стульями... В первом отделении играет ансамбль колумбийской народной музыки «Бандола», во втором — квартет. Обе группы сошлись за кулисами, ждут начала. Четверо из Москвы в своих неизменных рубахах, колумбийцы в красно-желто-зеленых пончо. И маленькая комнатка полна инструментов, встретились тут балалайка и гитары мал мала меньше, и баян, и гонги, и колокольчики, и огромный контрабас, и трубочки-зампоньи, связанные ниткой.

Гуляют по кругу музыканты, от инструмента к инструменту, спрашивают друг друга: «А это что у вас?», «А на этом как играть?» Молодой колумбиец, присев на корточки у стены, пытается на балалайке подобрать мелодию песни «Чафлан». Это колумбийская народная песня.

У Ионченкова интерес вызывают трубочки. Они умещаются на ладони, они прохладные, гладкие, и девушка из «Бандолы» показывает, как на них играть: двумя руками подносит к губам, направляет струю воздуха отвесно вниз, и они звучат. У них пронзительно-долгий, протяжный звук, это музыкальный инструмент индейцев Латинской Америки, вошедший в ансамбли народной музыки Колумбии, Перу, Чили...

Сначала выходит играть «Бандола», они играют тягучие и пылкие мелодии, в этих мелодиях инструменты часто звучат в унисон, это плотный поток чувства. Цвета этих мелодий насыщенно-ярки, это желтизна пустыни, зелень жесткого листа, это подожженная дорожка пороха, быстро бегущая змейка огня... Ритм и интонации совсем другие, чем в русских народных мелодиях, но есть что-то, что лежит в глубине, как фундамент, на чем стоят в своем единстве все этажи народной музыки. Пути развития уникальны и непохожи, они зависят от веками формирующегося народного характера, может быть, и от климата, но единство и общность все же есть, они в том чувстве, что пронизывает все народные мелодии: в простоте, прозрачности своего языка едина народная музыка. Всегда что-то чистое, почти детское есть в этих мелодиях и песнях. Ведь доброта прирожденна у человека, но часто замутнена и оттеснена в глубину истории, в дальний уголок души — наивная гармония роднит музыку русских и колумбийцев... И так же как в русских переборах, плясовых и потешках есть радость общения, радость игры и праздника, так же есть эта радость общего веселья в мелодиях Колумбии.

Теперь пора квартета. Снова Корнетов улыбается музыке, как солнышку. И снова устремляется вперед балалайка, рисует мелкий узор поверх гудящих полос контрабаса, поверх жестковатых волнистых линий домры и внезапно тонет, исчезает в разливе баяна. Одна рука Коновалова бежит по клавишам, другая неподвижна, и пальцы ее трепещут, как травинки на ветру. Упругая, пульсирующая начальная часть сменяется басовым всплеском контрабаса, домра поет осой, нарастает звук и с ним чувство — зал замирает... И слаженность, с которой играют они сейчас, это слаженность не одних только рук, но слаженность чувств. А Горбачев начинает свое соло, «соло, чтобы мурашки», как они говорят на репетициях, он играет, схваченный напряжением, подняв голову, и взгляд немигающих зеленоватых глаз уставлен в зал,— не из балалайки, из себя, из души своей вымучивает он это соло, и рука его, на которую он и не смотрит, то вращается с бешеной скоростью, как пропеллер, то делается гибкой, как кошачья спина. А Ионченков на домре поддерживает его и, домру прижав к животу, с мокрым от пота лицом и с чубом, упавшим на глаз, что-то делает круговыми движениями руки со струнами, и тихо, голосом как бы вытягивая что-то, говорит Коновалов: «Володя, Володя, Володя, пой как виолончель!» — и звук течет страдающе-густо...

После концерта они попадают в кольцо людей, которые хотят поблагодарить, люди стоят плотно, десятки рук тянутся к инструментам, все хотят потрогать. Пусть музыка у них другая, пусть инструменты у них дают другой звук, но имеющий уши услышит, а «уши у колумбийцев есть», как выразился Ионченков, в русской народной музыке, поверх различий ритма и звука, есть нечто общее с латиноамериканской, нечто роднящее, нечто трудно определяемое и все же очень важное: первичная, невыдуманная гармония и доброта народной души, общей народной души...

Потом в маленькой комнатке за кулисами Ионченков, Горбачев, Корнетов и Коновалов пакуют инструменты. Музыканты из «Бандолы» тут же. Они спрашивают: «Вы не будете возражать, если мы будем играть ваши мелодии на наших инструментах?» — «Что вы! А вы...» Разговор их сдержанно-робок, в этой робости забота и нежелание обидеть, их взаимная симпатия — симпатия людей, делающих общее дело. В темноте они идут к автобусу, девушка из «Бандолы», что-то говоря и смеясь, и видны ее белые зубы, протягивает Ионченкову подарок, в ее смуглой тонкой руке тоненькие трубочки-зампоньи...

На снимках: «Матиа базар». в Москве. Слева направо: Джан Карло Гольци, Альдо Стеллита, Карло Марраде, Антонелла Руджиеро-Матиа. И обращение к нашим читателям: «Ровесникам — с любовью».

Фото С. ПЕТРУХИНА

По дороге к опере

Была в конце шестидесятых годов в Генуе группа «Джет». Все участники — студенты университета (руководитель Альдо Сальваторе Стеллита изучал, например, биологию). Группа как группа, таких много. Была даже своя маленькая популярность, были попытки экспериментов, впрочем, основной массе слушателей чуждые. (Про Геную говорят, что публика здесь самая упрямая и несклонная к новизне.) Группа очень хотела добиться успеха и отказалась от экспериментов, в результате студенты слушать ее перестали, но и новой аудитории «Джет» не приобрела...

Так и остались бы музы-

кальные экзерсисы юношеским воспоминанием биологов и инженеров, если бы Альдо Стеллита не встретил в Академии изящных искусств будущую художницу Антонеллу Руджиеро. У Антонеллы была масса достоинств, необходимых звезде эстрады: великолепный голос, хорошая внешность, артистизм, и только один недостаток: она ни в какую не хотела становиться звездой эстрады. Попеть с ребятами — это пожалуйста, но так, чтобы преподаватели не узнали, что Антонелла еще и поет. Чтобы обеспечить инкогнито, она берет себе сценический псевдоним Матиа. И все же — «Вы со своими песнями мешаете мне заниматься!»

К обновленной группе постепенно возвращается популярность. Альдо Стеллита упорно убеждает Антонеллу, что ее призвание — музыка, в конце концов, она и сама начинает это понимать. Ребята приглашают в коллектив первого профессионала, исполнителя на клавишных Мауро Саббионе, переименовывают группу в «Матиа базар» и перебираются в центр музыкальной культуры Италии, Милан. Это было в 1975 году.

— Почему «базар»? Мы считаем, что наша группа — это своего рода рынок музыкальных идей, мы вполне самодостаточный коллектив, мы все время вместе, вместе решаем наши проблемы, вместе думаем над новыми композициями, и уж когда обсуждаем свои дела, право слово,— это действительно какой-то восточный базар...— так говорила Антонелла Руджиеро-Матиа корреспондентам «Ровесника» летом 1984 года в Москве, во время гастролей коллектива в Советском Союзе.

Антонелла оказалась счастливым талисманом группы. С того самого семьдесят пятого года и началось восхождение «Матиа базар» по лестнице успеха. (Кстати, лестница — символ группы, этот графический элемент обязательно присутствует и в декорациях, и в костюмах, символ простой и даже несколько наивный: «Мы считаем, что жизнь в творчестве — это лестница, по которой можно и подняться наверх, и скатиться, и каждую новую ступеньку надо завоевывать».)

Первый диск «Какой сегодня вечер», первый успех. В 1978 году — первая премия на фестивале в Сан-Ремо за песню «...И сказать «Прощай», в прошлом году — снова участие в этом фестивале и снова главный приз за песню «Римские каникулы». В общей сложности девять дисков-гигантов, из которых наиболее известны «Берлин — Париж — Лондон», «Танго» и вышедший в этом году альбом «Аристократка». Критики долго бились над тем, как одним словом определить стиль группы (западногерманский журнал «Штерн» даже назвал рецензию на концерты «Матиа базар» странноватым термином «Танго-рок»). Карло Маррале, композитор, сологитарист и вокалист (в прошлом тоже художник), говорит:

— Мы никогда не стремились вогнать нашу музыку в какие-то четкие стилистические рамки... Возможно, в наших композициях есть что-то от сегодняшней «новой волны». Единственное, что можно сказать определенно,— мы ориентируемся на сугубо европейскую музыку, как классическую, так и современную. Все мы люди с юмором, склонны к пародии. Вот песню «Аристократка» мы сделали потому, что сейчас вошел у некоторых молодых итальянцев в моду такой стиль, знаете ли, «золотой молодежи», «прожигателей жизни» двадцатых годов: лезть из кожи и на последние гроши выглядеть изысканно... И эта песня, и все наше поведение во время ее исполнения — пародия на таких молодых людей. И названия наших трех последних дисков, мы считаем, тоже достаточно ироничные.

Альдо Стеллита: «В этих трех пластинках мы поем о любви, о радости, о печали, но и о ханжестве, о страхе, об угрозе войны (надо сказать, что сборы от своего первого концерта в Москве «Матиа базар» передали в Фонд мира.— *Примеч. ред.*). Так что наша музыка не только для развлечения, хотя «упаковываем» мы ее в яркую оболочку эстрадного шоу...»

За все эти годы «Матиа базар» побывали на гастролях в Канаде, Южной Америке, Африке, на Ближнем Востоке, давали концерты на Сейшельских островах, объездили всю Европу, и вот теперь — Советский Союз.

Джан Карло Гольци, ударник: «Нам и раньше приходилось выступать в больших залах, но в Москве — о, когда мы узнали, что будем петь во Дворце спорта «Олимпийский», нам стало как-то не по себе. Маленькая сцена, островок в море зрителей. Как все будет? Я знаю, гастролеры всегда хвалят публику, это долг вежливости, но действительно это потрясающе: здесь, в Советском Союзе, мы, наверное, впервые почти за десять лет не чувствовали себя изолированными, оторванными от публики. Даже в таком большом зале. Наверное, потому, что у вас вообще поразительно хорошо знают итальянскую музыку, и сегодняшнюю, и классическую, и нас воспринимали как продолжателей хороших традиций».

Кстати, о прошлом и будущем.

Антонелла Руджиеро: «Дома нас ждет большая работа. Мы хотим создать оперу. И либретто и музыка наши, рабочее название — «Средиземноморский отель». Нам кажется, что итальянская опера — это как раз то, что сегодня нужно. В ней есть все, что необходимо каждому человеку во все времена: простой и честный сюжет, простые и ясные чувства, а разговор о простых чувствах сейчас особенно необходим, ведь мир наш кажется таким усложнившимся, на человека обрушивается столько противоречивой информации, и кажется, что в ней невозможно разобраться. Помочь может только четкое представление о том, что хорошо и что плохо. Наша будущая опера и наши сегодняшние песни — они о простых и важных для людей вещах. Наша песня «Фантазия» — об угрозе войны, и мы уверены, что этой угрозе может противостоять только четкий взгляд людей на мир, ясное представление о том, что войны просто не должно быть, а отнюдь не усложненные апокалиптические видения, они могут быть кому-то и непонятны... Так что, несмотря на, может быть, некоторую сложность музыкальной формы наших композиций, мы в них говорим о вещах простых и доступных каждому».

Альдо Стеллита: «В своих выступлениях мы используем различные световые эффекты, слайды, и надо сказать, что не только музыку и слова, но и весь «песенный дизайн» мы делаем сами, ведь в нашем коллективе два профессиональных графика — Антонелла и Карло. Мы уже почти десять лет вместе, каждый год — вроде бы одно и то же: несколько месяцев — гастроли, потом — несколько месяцев работы над новой пластинкой, и некоторым кажется, что за этот срок можно страшно друг другу надоесть...»

Антонелла Руджиеро: «Ну как можно надоесть друг другу в хорошей большой семье? Конечно, у нас возникают трения, у нас возникают сложности, но мы все время хотим идти вперед, а идем мы все вместе. В нашем музыкальном коллективе как в семье: надо уметь на что-то не обращать внимания, надо уметь быть терпеливым, надо помогать тому, кто нуждается в помощи. Как это может надоесть? Надо работать вместе — тогда все остальное неважно. Пабло Пикассо говорил, что вдохновение всегда должно быть с тобой и заставать тебя на твоем рабочем месте. Наше рабочее место — это вся наша жизнь, и пока нам это нисколечко не надоело».

Беседу вел А. МУДРОВ

Рис. И. АЙДАРОВА

ОБЫЧНЫЙ БИЗНЕС

Приключенческая повесть

Дж. ФИЛЛИПС,
американский писатель

Глава 4

Коттер забрался в «феррари» и сидел, вслушиваясь в тишину. Если бы кто-то выехал из поместья, до него донесся бы шум мотора. Сидя в кромешной тьме, Коттер думал о словах сенатора Фаррадея. «Возьмем «Дженерал моторс»,— говорил сенатор.— Годовой оборот двадцать восемь миллиардов долларов. «Датч шелл» — двенадцать с половиной миллиардов долларов. «Крен-Ам», один бог знает, насколько больше. Ни одно государство не может справиться с такими гигантами. Они напоминают толстяков, которые не могут перестать есть. Их влияние безгранично. Человеческая жизнь для них — ничто. И нет закона, способного их сдержать».

Вдруг кто-то поскребся в стекло. Коттер вытащил пистолет и открыл окно. В темноте ничего не было видно, но он услышал тихий шепот: «Дэвид?»

— Кто здесь?

— Патти. Можно мне влезть в машину? Меня прислал Скэт. Он считает, что вы правы. Нельзя терять ни минуты.

— А что мы можем сделать? — печально вздохнул Коттер.

— Линии электропередачи в этих местах очень примитивны,— ответила Патти.— Если на провода упадет дерево, весь район останется без электричества. Через несколько минут недалеко отсюда, вниз по дороге, дерево порвет провода. Не только электрические, но и телефонные. Они не смогут сообщить об аварии. А мы, десять человек, готовы к штурму.

— А ты идешь, Патти? Тебе не надо бы...

— Скэт сказал идти, и я иду, Дэвид. Мы получили следующие инструкции: надо ворваться в дом со всех сторон и по возможности одновременно. Видите свет на той стороне долины?

Коттер повернулся и увидел маленький огонек.

— Когда он погаснет, пора начинать. Каждый действует самостоятельно. И еще, если кто-то набросится на вас в темноте, крикните: «Скэт!» Если это друг, вас отпустят, если враг — защищайтесь сами... У нас только одна цель, Дэвид, найти вашу девушку. Если вы услышите, что кто-то кричит: «Пошли! Пошли!» — значит, она найдена и ее выводят из дома. Услышав «пошли!», постарайтесь побыстрее добраться до своего автомобиля и вернуться в город. И хорошо бы уйти без шума. Мы найдем вас позднее.

Огонек погас.

— Пора,— коротко сказала Патти.— Удачи, Дэвид.— И она вылезла из машины.

Коттер пошел к дому по своему следу. Дом стоял в полной темноте, но, присмотревшись, он увидел мерцающий огонек в окошке второго этажа. Справа послышался какой-то звук, будто крикнула ночная птица. Такой же крик повторился слева. Люди Скэтбека, понял Коттер.

Уже слышны были голоса, кто-то кричал, что свечи в столовой. Коттер раньше не слышал этого голоса и решил, что это, наверное, Мартин Клиари. Раздался звон разбитого стекла, и тот же голос воскликнул: «Необязательно бить стекла, чтобы найти пару свечек!»

Видимо, кто-то из людей Скэтбека уже проник в дом, подумал Коттер. Он наткнулся на колонну и понял, что находится на веранде. На ощупь он нашел тяжелую дверь и повернул ручку. Слева к нему приближались дрожащие огоньки, и мимо прошел человек с двумя зажженными свечами в серебряном канделябре. Ему и в голову не пришло посмотреть на входную дверь. В доме еще не знали, что штурм их крепости начался.

— Телефон не работает, мистер Клиари! Ремонтную бригаду вызвать невозможно.

— Черт! Ну, кто-нибудь сообщит. Наверняка весь район без света.

— Мне это не нравится,— раздался еще один голос.— Вы уверены, что провода не перерезали специально, а, Клиари?

— Вся долина в темноте,— ответил Клиари.— Я поднимался на чердак, и света нигде нет.

— Значит, мы будем просто сидеть и ждать?

— У тебя что-то с нервами, Захари? — У Коттера перехватило дыхание. Этот хриплый голос он узнал бы везде. Росс Креншоу. Старик.— Никто не рвется в ворота, иначе мы бы уже знали об этом. Клиари, вызови этого парня у ворот.

— Все спокойно. Охранник подтверждает, что вся долина без света.

— Я все-таки пойду посмотрю,— буркнул Захари.— Я чувствую, что-то происходит.

В этот момент на втором этаже вскрикнула женщина. Крик тут же оборвался. Раздался топот бегущих ног. Захари с фонарем в руке вышел из гостиной. Он направился прямо к лестнице, не глядя по сторонам.

Коттер, не раздумывая, последовал за ним. Второй этаж напоминал сумасшедший дом. Бегали люди, хлопали двери. Кто-то столкнулся с Коттером, схватил его за шею.

— Скэт,— с трудом прохрипел он. Его тут же отпустили.

— Она должна быть на этом этаже,— прошептал нападавший.— Мы осмотрели все наверху. А заорала служанка.— Коттер узнал голос Чарли, бородатого мотоциклиста.

Полная темнота, ни свечей, ни ручных фонариков. Коттер нащупал дверь и, открыв ее, крикнул: «Магги!» Никакого

Окончание. Начало см. в № 5—9 за 1984 год.

ответа. Вторая дверь — тоже нет ответа. Он вытащил пистолет. Когда Коттер открыл следующую дверь, его ослепил яркий свет. Три сильных фонаря били ему прямо в лицо. Кто-то толкнул его, и дверь захлопнулась. Стены, вероятно, имели звукоизоляцию, потому что шум, доносившийся из коридора, сразу стих.

— Не шевелись, Коттер,— раздался голос Захари.— Не вздумай стрелять, потому что я держу твою леди перед собой.— Один из лучей сместился, и Коттер увидел Магги.

— Еще десять секунд твои люди останутся в доме — и мне придется выбить ей глаза.

— Прошу тебя, Дэвид, ради бога, стреляй,— прошептала Магги. Коттер не узнал ее голоса.

— Брось пистолет! — рявкнул Захари.

Коттер не сомневался, что тот приведет в исполнение свою угрозу. Пистолет упал на ковер. Кто-то открыл дверь, и детектив заорал во всю мочь: «Пошли! Пошли!» Раздался топот бегущих ног. Коттер посмотрел на Захари:

— Эти люди знают, что я и Магги здесь. И почему. Они направились прямо в полицию. Игра закончена.

— Игра только начинается, мистер Коттер,— ответил Захари.— Пора трогаться!

Кто-то ударил детектива по голове, и он провалился в темноту.

Он не представлял, сколько прошло времени и где он находится. Наконец понял: багажник автомобиля. Ему удалось поднести руку к глазам и разглядеть фосфоресцирующий циферблат. Два часа ночи! В дом Клиари они ворвались чуть позже девяти. Значит, он трясется в этом гробу четыре или пять часов.

Мак Креншоу не зря называл Захари генералом армии «Крен-Ам». Тот действительно принимал решения за доли секунды. Он не стал ждать, подтвердятся ли слова Коттера, что его люди направились в полицию. Детектива бросили в багажник, Магги посадили на заднее сиденье, и теперь они были примерно в двухстах пятидесяти милях от Брунсвилла.

Коттер старался представить, что происходит в Брунсвилле. Как быстро люди Скэтбека начнут действовать? Заявят ли в полицию? Да и капитан Шейн им, конечно, не поверит...

Где Магги? Этот изменившийся голос и слова: «Прошу тебя, Дэвид, ради бога, стреляй». Он все понял. Магги не могла больше терпеть. Смерть казалась ей избавлением...

Время от времени Коттер засыпал или терял сознание, но, приходя в себя, неизменно обнаруживал, что автомобиль по-прежнему мчится в неизвестность. И вдруг движение прекратилось. Хлопнула дверь, послышались приглушенные голоса. Раздался скрежет ключа, вставляемого в замок багажника. Крышка откинулась, и Коттера ослепил яркий свет.

— Похоже, живой.— Коттер приоткрыл глаза и узнал человека, с которым разговаривал у книжного магазина около дома Магги.

Машина стояла в каком-то сарае или конюшне. Сквозь окно, в которое лился дневной свет, Коттер заметил большой белый особняк: поместье Мака, в Виргинии, вспомнил он.

Мужчина подтащил Коттера к какой-то двери, открыл ее и втолкнул внутрь. Комнатка, видимо, использовалась для хранения упряжи. Захари сидел на углу длинного стола с сигаретой в руке. Мужчина из книжного магазина держался позади Коттера. У окна спиной к ним стоял Старик, Росс Креншоу. А у дальней стены на стопке одеял лицом вниз лежала Магги. Она даже не повернула головы. На бессильно свисавшей руке виднелись темные пятнышки ожогов. Пытка горящей сигаретой, о которой упоминал Скэтбек. О, мерзавцы, какие мерзавцы!

Старик медленно повернулся. Он был все в тех же темных очках.

— Я советовал вам держаться подальше, Коттер,— сказал он.— К сожалению, вы не прислушались к моим словам. А теперь, как видите, приходится расплачиваться.

Коттер глубоко вздохнул.

— Не только мне. Слишком много людей знают правду.

— Какую же «правду» знают эти люди, а, Коттер?

— О том, что вы подготовили убийство своего сына.

На лице Старика не дрогнул ни один мускул, Захари, нахмурившись, смотрел на красный огонек сигареты.

— Доказательства?

— Задаром? — удивился Коттер.— Ни я, ни Магги, похоже, не сможем выступить в суде. Но зачем давать вам шанс расправиться с другими свидетелями?

— Негр?

— Какой негр?

— Всегда оставалась вероятность, что он узнает Билла. Но не очень большая, мистер Коттер. Конечно, Билла мог узнать и Артур Остин, пришлось его убрать. Да, в жизни Билла был разгульный период. Но теперь он исправился, вернулся домой, снова стал цивилизованным человеком.

Пальцы Коттера сжались в кулаки. Он взглянул на Магги.

— И вы называете свой мир цивилизованным, Креншоу?

— Вы не реалист, Коттер,— ответил Старик.— Мой мир — мир бизнеса. И он ничуть не изменился за последнюю сотню лет. И современная политика поддерживает современный бизнес.

— Бизнес, как обычно, политика, как обычно, убийство, как обычно,— повторил Коттер слова сенатора.

— Боевой клич идиота-либерала,— отпарировал Старик. Темные очки повернулись к Магги.— Удивительная женщина. Такое мужество!

— Вы стараетесь заставить ее сказать то, чего она не знает.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что по моей просьбе она уже пыталась вспомнить, за что ее могут преследовать.

— Боюсь, я не могу в это поверить,— темные очки блеснули на солнце.— Я полагаю, вы уже догадались, что к Маку попала некая информация, касающаяся меня, «Крен-Ам», Мартина Клиари и некоторых других. Мак собирался использовать ее против нас, и ему пришлось уйти. Но информация, вероятно на магнитофонных лентах, осталась, и он наверняка отдал ее кому-то на хранение. И кому, как не этой женщине, отдавшей Маку десять лет жизни и пользовавшейся его абсолютным доверием? Я надеюсь, вы поможете убедить мисс Брэнсон передать ее мне.

— Думаю, папа, ваша дальнейшая беседа с Магги бесполезна,— раздался спокойный женский голос.

Обернувшись, Коттер увидел Гвен Креншоу. Человек из книжного магазина не успел преградить ей путь. На лице Старика появились глубокие морщины.

— Какого черта ты сюда пришла, Гвен?

— Искала вас, папа,— ответила Гвен.— Чтобы сказать, что нельзя заставить человека вспомнить то, чего он не знает. Вы думаете, Мак доверял только Магги Брэнсон? Когда встал вопрос о жизни и смерти, Мак не забыл, что я его жена. И доверил мне свою жизнь.

— Я не понимаю тебя, Гвен. И думаю...

— Сейчас вы поймете,—— продолжала она ровным голосом.— Мак оставил мне то, что вы ищете, и просил передать эти пленки специальному прокурору, если с ним что-нибудь случится. Сначала я думала, что Мака застрелила какая-то психопатка. Но мистер Коттер заставил меня поиному взглянуть на происшедшее. Он не доверял вам, когда приехал сюда с Магги. Вы не хотели, чтобы она уезжала, но он настоял на своем. А потом позвонила его секретарша и сообщила, что Магги похитили. О ком я могла подумать, как не о вас, дорогой отец? — Старик смотрел на нее сквозь темные очки.— Я полетела в Брунсвилл, чтобы показать пленки Коттеру. Его там уже не было, а по городу ходили какие-то страшные слухи. Тогда я полетела в Вашингтон и передала пленки специальному прокурору.

— Ты паршивая дрянь! — взревел Старик.— Почему ты не дала мне возможности объяснить...

— Мне не нужны объяснения, дорогой отец,— оборвала его Гвен.— Я хочу рассчитаться за Мака. Чтобы все убийства остались в семье.— И, вынув руку из кармана пальто, она выстрелила Старику между глаз.

Захари нас всех перестреляет, подумал Коттер. Но ошибся. Тот всегда принимал решение мгновенно. И решил держаться подальше: Старику ведь уже не поможешь, а за

месть тут не заплатят. Он махнул рукой человеку из книжного магазина, и они выбежали из комнаты, не подозревая, что им осталось жить меньше минуты.

Капитан Шейн в Брунсвилле выслушал Скэтбека, не поверил ни единому слову, но все же позвонил Уэсли Моссу в Вашингтон. Мосс и еще несколько агентов отправились в поместье Мака. Они решили, что там начало событий. Но прибыли к развязке. Мосс и его люди как раз вылезали из машины, когда Захари и человек из книжного магазина выбежали на улицу. Услышав приказ остановиться, Захари начал стрелять, но агенты ФБР оказались проворнее.

После полудня Коттер приехал к Максу Ларкину, специальному прокурору. Ободряющие новости из больницы, в которую отвезли Магги, горячий душ и чистая одежда помогли ему почти войти в норму.

— Билл Креншоу арестован в Брунсвилле,— сказал Ларкин.— Пока ему предъявлено обвинение в убийстве Артура Остина и в содействии похищению и пыткам мисс Брэнсон, так как именно он увез ее из мотеля «Гейтвей». Доказать его участие в заговоре против Мака гораздо сложнее, особенно теперь, после смерти Старика и Захари. Мы думаем, что вашего сотрудника Рэда Кристи убил Захари. Стоило Кристи упомянуть имя Захари, и вам многое бы стало ясно. Мы думаем, что избиение Джека Мерфи также работа Захари. Его хотели убить, но у старика душа оказалась прибитой к телу гвоздями. Я надеюсь, что он придет в себя и сможет кое-что рассказать. Но ключ к разгадке лежит здесь.— Он указал на стоящий перед ним магнитофон.— Я коротко перескажу вам, в чем дело. В так называемом «третьем мире» есть страны, о которых мы никогда не слышали. Например, Мобарди. Как большинство других маленьких стран, Мобарди добилась независимости. Вновь избранный президент не собирался портить отношения со старой нефтяной компанией. Это не устраивало «Крен-Ам». Старик очень хотел заполучить нефть Мобарди. И вы и я знаем, что многие наши законодатели на самом деле мальчики на побегушках у крупных корпораций. Сенатор Клиари был таким мальчиком для Росса Креншоу. Как свидетельствуют магнитофонные записи, готовился переворот, щедро обеспеченный деньгами, оружием, самолетами. Мобарди, как спелое яблоко, упала бы в руки «Крен-Ам». Ничего нового, Коттер. Бизнес, как обычно... Но «Крен-Ам» не повезло. Сенатор Клиари не брезговал ничем, чтобы заработать лишний доллар. Мой молодой, способный помощник Мак Креншоу вышел на след проделок сенатора, не имевших отношения к «Крен-Ам». И Клиари начал старую американскую игру «Ты — мне, я — тебе». Он рассказал Маку, что происходит в Мобарди, какую роль в этом играет Росс Креншоу, и пригрозил передать все материалы прессе, если Мак не снимет с него обвинение во взяточничестве.

Надо сказать, Мак питал слабость к своей семье. Он любил Старика, но считал недопустимым вмешательство в дела другой страны. И пошел к отцу. Дал ему прослушать запись допроса Клиари. Согласился на то, чтобы снять обвинение с сенатора, если тот добровольно уйдет со своего поста. А Росс Креншоу забудет о Мобарди. Иначе Мак пригрозил рассказать о заговоре всему миру. Послушайте.— Ларкин включил магнитофон.

«— Решение окончательное, отец,— раздался голос Мака.

— Я не понимаю тебя.— Коттер сразу узнал голос Старика.— Это же обычный бизнес. Так было всегда и везде. В Южной Америке, на Ближнем Востоке, в Африке. Большие корпорации живут благодаря взяткам и помогают тем людям, от которых зависят их прибыли. Обычный бизнес, Мак.

— Не для меня, отец. Забудь о Мобарди, и мы оба будем спать спокойно.

— Неужели тебе не ясно, Мак? Я стараюсь ради процветания Америки. У нас энергетический кризис, а тут миллионы баррелей нефти. Какая разница, кто правит этой дикой страной?

— Они люди, отец, и имеют право самостоятельно выбирать себе правителей.

— О боже, Мак! Когда же ты перестанешь витать в облаках...

— Это ультиматум, отец.

— Значит, ты не оставляешь мне ни малейшего шанса?

— Нет».

Ларкин выключил магнитофон.

— Так Маркус Аврелий Креншоу подписал свой смертный приговор. Но в одном они просчитались. Через день после выстрела в Брунсвилле Старику передали письмо от Мака. В нем говорилось, что, если с Маком что-то произойдет, его доверенное лицо передаст записи допросов Клиари и признания Старика специальному прокурору.

— Что будет с Гвен Креншоу?

— Она станет очень богатой женщиной.

— А обвинение в убийстве?

— Старик расправился с ее мужем, не так ли? И собирался убить вас и мисс Брэнсон. Думаю, любой суд сочтет, что она действовала в пределах самообороны.

От Ларкина Коттер поехал в больницу. Магги спала. Когда она наконец пошевелилась, Коттер склонился к ней:

— Магги! — прошептал он.— Через пару дней ты придешь в себя, и мы поедем в Брунсвилл. Там остались люди, которых мы должны поблагодарить за то, что ты осталась жива. Джек Мерфи и Скэтбек Хьюз.

Конец

Сокращенный перевод с английского
В. ВЕБЕРА

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

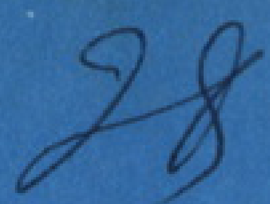
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (ответственный секретарь), А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Э. М. САГАЛАЕВ, Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Н. А. Строева

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 09.08.84. Подп. к печ. 18.09.84. А00825. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1463.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ПЕСНИ ТЕХ, ФЕСТИВАЛЬНЫХ, ЛЕТ

Эту песню привезли на VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Вене латиноамериканские патриоты. В ней говорится о трех сестрах: сестры Мирабаль были среди тех, кто выступил в июне 1959 года против ненавистного народу Доминиканской Республики режима диктатора Трухильо. Сестры Мирабаль были убиты охранкой. «Они отдали жизнь за свободу, за возрождение родины, и народ никогда не забудет их имена. Сестры Мирабаль, наши героини, вы так же бессмертны, как бессмертна наша родина»,— поется в песне.

E.R.

Lle-ga-ron lle-nos de pa-trio-tis-mo, en-am-or-

a-dos de un pu-ro i-de-al. Y con su san-gre no-ble pren-

die-ron la lla-ma au-gus-ta de la li-ber-tad. Su sa-cri-

fi-cio que Dios ben-di-ga la pa-tria en-te-ra glo-ri-fi-ca-

rá. Co-mo ho-me-na-je a los va-lien-tes que a-lli ca-

Fine

ye-ron por la li-ber-tad. Ca-tor-ce de

ju-nio, Glo-rio-sa ges-ta na-cio-nal. Tus

már-ti-res es-tán en el al-ma po-pu-

lar ___ Her-ma-nas Mi-ra-bal, ___ he-ro-

i-nas sin-i-gual. Su gri-to vi-

bran-te es el gri-to de la pa-tria in-mor-tal.

КРАСНОЯРСК. Открытки, которые вы видите на снимке внизу, сделали ребята из клуба интернациональной дружбы имени 1-го отдельного истребительного авиационного полка «Нормандия — Неман». Как сообщили красноярские кидовцы — читатели «Ровесника»,— они с марта этого года готовятся к предстоящему Всемирному фестивалю в Москве. В апреле ребята провели ярмарку солидарности, для которой сами сделали сувениры: открытки, безделушки из дерева, из папье-маше, куклы в национальных костюмах народов СССР. Собранные средства [более 100 рублей] школьники перечислили в фонд фестиваля. Ребята изучают историю фестивального движения, проводят викторину, посвященную 50-летию образования Красноярского края, в которой принимают участие КИДы Москвы, Армении, Новосибирской, Днепропетровской и других областей. С начала нового учебного года ребята из КИДа имени полка «Нормандия — Неман» начали готовить подарки для участников и гостей XII Всемирного.

Индекс 70781
Цена 35 коп.